

два фактора товара — потребительную и меновую стоимость. Меновая стоимость всех товаров, кроме ничтожного числа невоспроизводимых благ (скажем, картины старых мастеров или выдержанные вина из знаменитых погребов), определяется относительными затратами труда на их производство.

Мы знаем, что Смит был непоследователен в своей трудовой теории стоимости. Он считал, что определение стоимости трудом, рабочим временем применимо лишь к «примитивному состоянию общества», когда не было капитала и наемного труда. В современном же обществе стоимость определяется фактически суммой доходов в виде заработной платы, прибыли и ренты, получаемых от производства и реализации товара. Такая непоследовательность была неприемлема для строгого логического ума Рикардо. Свойственное Смиту вольное обращение с основными принципами его не устраивало. Такой фундаментальный закон, как закон стоимости, не может полностью меняться с развитием общества. Нет, сказал Рикардо, определение стоимости рабочим временем есть абсолютный, всеобщий закон.

К этому ему следовало добавить: в любом обществе, где продукты производятся как товары, для обмена и продажи за деньги. Но Рикардо не представлял себе никакого другого общества. Если он и знал историю, то никак не принимал всерьез, скажем, условия производства в первобытной общине. Что касается возможного будущего общества, то оно могло представляться ему только в виде «параллелограммов мистера Оуэна», которые он считал беспочвенным вымыслом, хотя и относился к Оуэну лично с уважением. Рикардо не обладал тем историческим чутьем, которое было у Смита, и потому не видел большой разницы между обществом независимых охотников, которые обменивались своей добычей, и современной ему системой фабричного производства и наемного труда. Короче, он не знал никакого другого общества, кроме капиталистического, и законы этого общества рассматривал как естественные, всеобщие и вечные.

Тем не менее тезис о полной применимости закона трудовой стоимости к развитому капиталистическому обществу был большой научной заслугой Рикардо. Из взглядов Смита и его последователей вытекало, в частности, что повышение (и вообще изменение) денежной заработной платы должно вызывать соответствующее изменение стоимости и цен товаров. Рикардо решительно отверг это утверждение: «Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд».

Если повысится заработная плата без всякого изменения производительности труда, то стоимость товара от этого не изменится. При прочих равных условиях это не повлияет и на цену, которая представляет собой лишь выражение стоимости в золоте. Что же изменится? Распределение стоимости между заработной платой рабочего и прибылью капиталиста. В условиях свободной конкуренции капиталисты не могут компенсировать рост заработной платы повышением цен своих товаров.

Этот вывод занимает важное место во взглядах Рикардо на перспективы капитализма и в его политической программе. Как мы помним, Рикардо считал, что цены сельскохозяйственных продуктов имеют хроническую тенденцию к повышению. Это должно вызывать рост денежной заработной

платы: поскольку рабочие всегда получают только голодный минимум, они просто начнут вымирать, если этого не будет. Но прибыли капиталистов будут соответственно сокращаться, так как они не могут повышать цены промышленных товаров. Дорогой хлеб ущемляет промышленников и на известной стадии лишает их стимулов к накоплению капитала. А это, с точки зрения Рикардо, своего рода экономический конец света!

Рикардо не хуже Смита чувствовал главные трудности, на которые наталкивалась трудовая теория стоимости.

Первая из них заключалась в объяснении обмена между рабочим и капиталистом. Только труд рабочего создает стоимость товара, а количество этого труда определяет величину стоимости. Но в обмен на свой труд рабочий получает в виде заработной платы меньшую стоимость. Получается, что в этом обмене имеет место нарушение закона стоимости. Если бы этот закон соблюдался, то рабочий должен был бы получать полную стоимость создаваемого его трудом продукта, но в этом случае была бы невозможна прибыль капиталиста. Получалось противоречие: либо теория не соответствует действительности, либо закон стоимости непрерывно нарушается в важнейшей сфере обмена.

Это противоречие разрешил Маркс, показав, что рабочий продает капиталисту не труд, который есть лишь процесс, деятельность, затрата энергии человека, а свою рабочую силу, т. е. способность к труду. Покупая ее, капиталист при обычных условиях оплачивает рабочему полную стоимость его рабочей силы, ибо эта стоимость определяется вовсе не тем, что создает труд, а тем, что необходимо рабочему для жизни и воспроизведения себе подобных. Таким образом, обмен между капиталом и трудом совершается в полном соответствии с законом стоимости, что отнюдь не исключает эксплуатацию рабочего капиталистом.

Вторая трудность заключалась в том, как совместить закон стоимости с тем фактом, что прибыль капиталистов в действительной жизни определяется не стоимостью производимых на их предприятиях товаров, а размерами применяемого капитала. Если стоимость создается только трудом и товары обмениваются примерно по стоимости, то отдельные отрасли производства оказываются в совершенно разном положении. Отрасли и предприятия, где применяется много рабочей силы и мало машин, материалов, сырья, должны иметь высокую стоимость товаров, продавать свои товары по высоким ценам и, следовательно, получать большую прибыль. То же самое можно сказать об отраслях, где капитал быстро оборачивается и быстро дает прибыль. Напротив, отрасли и предприятия, где много капитала приходится вкладывать в средства производства или где медленнее оборот капитала, стоимость товаров, цены и прибыли должны быть ниже.

Но это невозможно! Это противоречит реальности капитализма. Хорошо известно, что равные капиталы имеют тенденцию приносить одинаковую норму прибыли. Иначе капиталы уйдут из малоприбыльных отраслей. Получается, что закон трудовой стоимости несовместим с безусловным, реально действующим законом средней прибыли.

Адам Смит ушел от этого противоречия, фактически отказавшись от трудовой стоимости и сложив стоимость из доходов, одним из которых является средняя прибыль. Рикардо не мог этого сделать, так как более последовательно связал свою концепцию с трудовой теорией стоимости. Он попытался насильно втиснуть в рамки этой теории факт равной прибыли на

равный капитал. Чтобы рамки не разлетелись вдребезги, он с искусством и упорством, заслуживающим лучшего применения, старается преуменьшить значение различий в составе и обороте капитала. Несколько наивным образом Рикардо, в сущности, пытается убедить читателя, что если средняя прибыль и меняет закон стоимости, то лишь самую малость, и этой малостью можно пренебречь.

Конечно, Рикардо пытался доказать недоказуемое. Когда товары производятся капиталистически, закон стоимости действует (в этом Рикардо прав), но он не может действовать так, как при простом товарном производстве (и в этом он неправ). Стоимость преобразуется в цену производства, которая включает среднюю прибыль на капитал, и таким путем уравниваются различия в составе и обороте капиталов. Осуществляет это механизм капиталистической межотраслевой конкуренции. Это не отрицание, а развитие закона стоимости. Таков был в самых общих чертах ответ, который дал на этот вопрос Маркс.

Цена производства — принципиально иная категория, нежели стоимость. Она может лишь случайно совпадать с последней. Рикардо же пытался доказать, что это одно и то же, а отклонениями можно пренебречь. Эта позиция очень скоро оказалась весьма уязвимой для критики со стороны его теоретических противников.

Дележ пирога, или Прибавочная стоимость по Рикардо

У Рикардо был, в сущности, математический ум. Те времена, когда экономика и математика протянули друг другу руки, были еще далеки, а потому в его трудах нет формул и уравнений. Но способ его мышления и манера изложения напоминают строгость математических доказательств. Рикардо обладал исключительной способностью выделить в сложном экономическом комплексе простые элементы и принципы и развивать их до логического конца, абстрагируясь от всего, что казалось ему не главным, не решающим. Строгость и логичность его мышления производили сильное впечатление на современников. Он был блестящий полемист, который мог, казалось, убедить собеседника в чем угодно.

Однако в его математическом подходе был и свой порок. В распределении, как и в стоимости, Рикардо видел прежде всего количественную сторону. Его интересовали доли и пропорции и мало интересовала сама природа распределения, его связь с устройством и развитием общества.

Рикардо развивал в основном смитовы взгляды на заработную плату, прибыль и ренту как на первичные доходы трех главных классов общества. Определение заработной платы стоимостью средств существования рабочего и его семьи было воспринято Рикардо от предшественников. Ему казалось, что он улучшает эту теорию, подводя под нее базу мальтусовой теории народонаселения: он принимал ее основные принципы, что было, кажется, единственным важным пунктом его согласия с Мальтусом. Опираясь на Мальтуса, Рикардо считал, что заработная плата удерживается в жестких пределах физического минимума не в силу специфических законов капитализма, а в силу естественного всеобщего закона: как только средняя заработная плата немного превышает минимум средств существования, рабочие начинают производить на свет и воспитывать больше детей, конкуренция на рынке труда усиливается, и заработная плата вновь снижается.

Взгляды Мальтуса и Рикардо легли в основу так называемого «железного закона заработной платы», который позже выдвигали Фердинанд Лассаль и другие мелкобуржуазные социалисты. Этот «закон» приводит к идее о бесполезности борьбы рабочего класса за свои экономические интересы, поскольку заработная плата якобы фатально привязана к физическому минимуму средств существования. Хотя на Западе часто обвиняли и обвиняют Маркса в приверженности к «железному закону», в действительности такие представления чужды марксизму.

Теория Рикардо была в значительной мере статична. Отмечая и даже прославляя рост производительности труда, он вместе с тем не видел, что в ходе этого процесса меняется и сам рабочий класс. В частности, меняются два важных фактора: 1) растет нормальный, общественно признанный круг потребностей рабочего, 2) увеличивается организованность и сплоченность рабочего класса, его способность бороться за повышение своего жизненного уровня, а с ростом его сознания усиливается классовая борьба.

Распределение национального дохода в обществе представлялось Рикардо как дележ пирога, который по своему размеру остается в общем-то неизменным. Свою более чем скромную долю из него получают рабочие. Все остальное достается капиталистам, которые, однако, вынуждены делиться с землевладельцами, причем доля последних неуклонно растет.

Эта мысль — что рента (а также ссудный процент, уплачиваемый промышленниками денежному капиталисту) представляет собой лишь вычет из прибыли — имела важное значение. Тем самым прибыль трактовалась как первичная, основная форма дохода, основанием которого является капитал, т. е., в сущности, как прибавочная стоимость. Отождествление у Рикардо прибыли и прибавочной стоимости было, разумеется, связано с отождествлением цены производства со стоимостью. Теория распределения несла на себе те же достоинства и недостатки, как и теория стоимости.

Стоимость отдельного товара и всех товаров, образующих национальный доход, определяется объективно затратами труда. Эта стоимость распадается на заработную плату и прибыль (включая ренту). Отсюда у Рикардо вытекала принципиальная противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии. Бесконечное число раз писал он, что заработная плата и прибыль могут меняться только в обратном отношении: если заработная плата растет, то прибыль падает, и наоборот. Потому-то ярый апологет капитализма американец Кэри и назвал теорию Рикардо системой раздора и вражды между классами.

Но Рикардо опять-таки интересовали только пропорции, количественная сторона дела. Природа, генезис и перспективы тех отношений, которые порождают противоположность между заработной платой и прибылью, его не занимали. Поэтому он и не мог раскрыть «тайну прибавочной стоимости», хотя близко подходил к этому, понимая, что капиталист забирает у рабочего часть стоимости, созданной его трудом.

Анализ природы и величины земельной ренты был одним из блестящих научных достижений Рикардо. В отличие от своих предшественников, он построил теорию ренты на прочной основе трудовой теории стоимости. Он объяснил, что источником ренты является не какая-то особая щедрость природы, а прилагаемый к земле труд. Поскольку ресурсы земли ограничены, приходится возделывать не только лучшие, но также средние и худшие участки. Стоимость сельскохозяйственных продуктов определяется

затратами труда на относительно худших участках земли, а лучшие и средние дают повышенную прибыль. Но так как прибыль должна усредняться, капиталисты-арендаторы вынуждены отдавать этот излишек землевладельцам в виде ренты.

Рикардо считал, что самые худшие участки не приносят ренты. Маркс показал, что это неверно: в условиях частной собственности на землю землевладелец не отдает даром в аренду даже самый плохой участок. Рикардову ренту Маркс назвал *дифференциальной* (т. е. связанной с естественными различиями земли), а эту особую, не замеченную Рикардо,— *абсолютной рентой*.

Куда идет капитализм

Трагизм, который видел Рикардо в капиталистическом строе, и его пессимизм в отношении будущего этого строя имели глубокие основания и отражали действительные тенденции развития капитализма. Правда, праздные землевладельцы не пожрали Англию. Болезнь «недонакопления», которую пророчил Рикардо английскому капитализму, оказалась не столь страшной. Рабочий класс не стал пассивно мириться со своей мрачной мальтузианско-рикардианской судьбой. Трагизм капиталистического строя оказался несколько иного сорта, чем думал Рикардо. И все же великий мыслитель видел многие черты капитализма в правильном свете. Он был совершенно прав, считая, что капитализм имеет тенденцию удерживать пролетариат в положении придатка производства и сводить заработную плату рабочих к голодному минимуму. Прав он был и в том, что опасался губительного влияния крупного землевладения на экономический прогресс. Если не опыт Англии, то опыт ряда других стран до сих пор подтверждает эти опасения.

Пессимизм Рикардо умерялся по меньшей мере двумя соображениями. Во-первых, он считал, что свобода торговли, особенно свобода ввоза хлеба из-за границы, может и должна существенно изменить положение, остановив рост ренты и падение прибыли. Во-вторых, Рикардо безусловно принимал принцип невозможности общего перепроизводства и экономических кризисов, позже получивший название «закона Сэя». По крайней мере с этой стороны, думал он, капитализму не грозят опасности.

Потребности общества в товарах и услугах безграничны, говорил Рикардо. Если человеческое брюхо и не может вместить больше определенного количества пищи, то потребности в различных предметах «удобства и украшения» не имеют пределов. Не смешивал ли Рикардо потребности и платежеспособный спрос? Нет, он не был настолько наивен и понимал, что потребность, не подкрепленная деньгами в кармане, экономически мало что значит. Но, как и Сэй, Рикардо думал, что само производство, порождая доходы, тем самым автоматически создает и платежеспособный спрос на товары и услуги, и этот спрос неизбежно обеспечивает реализацию всех товаров и услуг.

Капиталистическое хозяйство представлялось ему идеально отлаженным механизмом, в котором всякое затруднение со сбытом разрешается быстро и просто: производители товара, который выпускается в излишнем количестве, немедленно получают соответствующий сигнал от рынка и переключаются на производство другого товара. Тезис о невозможности общего перепроизводства Рикардо выражал так: «Продукты

всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мерилем, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами».

Как говорится, не успели высохнуть чернила, которыми писались эти строки, как жизнь начала решительно опровергать их: уже в 1825 г. в Англии разразился первый общий кризис перепроизводства. Возможно, что Рикардо, при его научном беспристрастии и самокритичности, пересмотрел бы впоследствии свои взгляды. Но его уже не было в живых.

Итак, в трудах Рикардо нашла свое наиболее полное выражение система классической буржуазной политической экономии (классическая школа). Попытаемся изложить основные ее черты.

1. Для классической школы было характерно стремление проникнуть, используя метод научной абстракции, в глубь экономических явлений и процессов. Она анализировала эти процессы с большой объективностью и беспристрастием. Это было возможно постольку, поскольку промышленная буржуазия, интересы которой классическая школа в конечном счете выражала, была в то время прогрессивной силой, а классовая борьба между буржуазией и пролетариатом еще не стала главным фактором в обществе.

2. В основе классической школы лежала трудовая теория стоимости, на ней строилось все здание политической экономии. Однако классическая школа оказалась не в состоянии объяснить законы капитализма, исходя из трудовой теории стоимости в той форме, в какой эта теория была развита экономистами-классиками. Это объясняется в частности тем, что классической школе было свойственно представление о капитализме как о единственно возможном, вечном и естественном общественном строе.

3. Классическая школа рассматривала проблемы производства и распределения в обществе с точки зрения положения основных классов. Это позволило ей близко подойти к выводу о том, что источником доходов капиталистов и землевладельцев является эксплуатация рабочего класса. Однако выяснить природу прибавочной стоимости она не могла, так как не имела ясного представления о специфике рабочей силы как товара.

4. Представления классической школы о воспроизводстве общественного капитала покоились на принципе естественного равновесия в экономической системе. Это было связано с уверенностью в существовании объективных стихийных экономических законов, не зависящих от воли человека. Но в концепции саморегулирования капиталистической экономики заключалось и затушевывание ее противоречий. Особенно важное значение имело отрицание классиками всеобщего перепроизводства и кризисов.

5. Буржуазная классическая политическая экономия выступала за максимальное ограничение вмешательства государства в экономику (принцип *laissez faire*), за свободу торговли. Экономический либерализм в большой мере сочетался в ней с либерализмом политическим, с проповедью буржуазной демократии.

Член парламента

«Начала политической экономии и налогового обложения» Рикардо отнюдь не были бестселлером. Это была книга для экономистов, не для широкой публики. А экономистов в то время было ничтожно мало. Сисмонди

рассказывает, что, по словам самого Рикардо, его книгу во всей Англии поняли не более 25 человек.

Но через год после ее выхода в свет Мак-Куллох опубликовал большую хвалебную рецензию, где попытался изложить идеи Рикардо в более популярной форме и выделил его высказывания по актуальным вопросам экономической политики. Вскоре Торренс поместил еще одну рецензию, где впервые критиковал трудовую теорию стоимости Рикардо. Вместе с усилиями Милля и некоторых других лиц это привлекло внимание публики к книге Рикардо, чье имя было довольно хорошо ей знакомо. Мальтус уже писал свои собственные «Принципы политической экономии», где спорил с Рикардо по основным вопросам теории и политики. Рикардо мог считать, что он достиг успеха в том смысле, в каком он этот успех понимал.

В том же 1819 г., когда вышло второе издание, он окончательно ушел из бизнеса и отказался от членства на бирже. Его состояние было к этому времени помещено в землю, недвижимость и надежные, неспекулятивные бумаги. Дети Рикардо воспитывались как наследники богатого землевладельца, английского джентльмена. (Его семья, т. е. вдова и дети, не позволили позже Мозесу Рикардо, самому близкому к нему из братьев, издать биографию великого экономиста: они не хотели привлекать внимание к его еврейскому происхождению и биржевой карьере.)

Парламентская деятельность была весьма естественна для человека с положением и склонностями Рикардо. Друзья советовали ему вступить на эту арену. Чтобы попасть в палату общин, у Рикардо был только один путь — купить парламентское кресло у какого-нибудь обедневшего лендлорда, хозяина одного из многочисленных «гнилых местечек». Он так и сделал. Избранный от глухого ирландского захолустья, Рикардо никогда не бывал там и в глаза не видел своих избирателей, что было вполне в духе времени. Рикардо воспользовался этим путем по необходимости, но, заняв место в парламенте, он стал одним из рьяных сторонников реформы, которая закрыла бы такие пути и самого его лишила бы «купленного» кресла. Парламентская реформа, ослабившая систему «гнилых местечек» и тем самым монополию помещиков в палате, была проведена только в 30-х годах XIX в. Рикардо до этого не дожил.

В парламенте он провел всего четыре года, но играл там довольно видную роль. Рикардо не принадлежал формально ни к правящей партии тори, ни к вигской оппозиции. Последняя была ему ближе, и он пользовался большим авторитетом в левых и радикальных кругах оппозиции. Но в палате он занимал независимую позицию и нередко голосовал против руководства вигов. Парламентские речи Рикардо даже в краткой протокольной записи составляют целый том собрания его сочинений. Специалисты подсчитали, что он брал слово 126 раз, не считая многочисленных выступлений в различных комитетах палаты, в которых он усердно работал. Экономические проблемы занимают, естественно, важнейшее место в парламентской деятельности Рикардо. Он продолжал борьбу против хлебных законов, за свободу торговли, сокращение государственного долга, улучшение банковского дела и денежного обращения. Но среди его речей мы находим и выступления за свободу печати, против ограничений права собраний. Как и Адам Смит, Рикардо был в политике сторонником максимально полной буржуазной демократии.

Он обладал несколько резким, высоким голосом с необычайно четкой дикцией. Одни находили его голос приятным, другие — неприятным. Но все

свидетели сходятся на том, что, когда Рикардо говорил, палата слушала внимательно. Рикардо не был блестящим оратором, как это обычно понимается. Однако свойственное его сочинениям стремление проникнуть в социальную суть явлений и проблем, строгая логичность и деловитость характерны и для парламентских речей Рикардо.

Парламент отнимал у Рикардо почти все время в течение сессий. В эти месяцы он жил в Лондоне. С утра он дома читал документы, писал письма и планы выступлений, принимал посетителей, а иногда ехал в Вестминстер на заседания комитетов. Во второй половине дня заседала палата, и Рикардо был одним из самых аккуратных ее членов. Почти все его работы 1819—1823 гг. связаны с парламентской деятельностью. Главные из них посвящены хлебным законам и государственному долгу.

Наукой он мог заниматься только в летние месяцы в Гэткомб-парке, который нравился ему все больше. Там он писал возражения на книгу Мальтуса, готовил третье издание своих «Начал», продолжал напряженно думать над проблемами стоимости, земельной ренты, экономических последствий применения машин. Продолжалась интенсивная переписка с Мальтусом, Миллем, Мак-Куллохом, Сэем. В эти годы Рикардо стоял в центре всей европейской экономической пауки. Регулярные собрания экономистов в его доме привели в 1821 г. к основанию лондонского клуба политической экономии, где Рикардо был общепризнанным лидером. Он выполнял эту функцию с большим тактом и скромностью.

Человеческий облик

Смерть настигла Рикардо внезапно среди этой бурной деятельности. Он умер в Гэткомб-парке в сентябре 1823 г. от воспаления мозга. Ему был только 51 год. Каким человеком был Рикардо в жизни? Внешность его описывают таким образом: ниже среднего роста, худощав, но хорошо сложен и очень подвижен; приятное лицо с выражением ума, доброжелательства и искренности; глаза темные, внимательные и острые; манеры простые и располагающие. Судя по всему, что мы знаем, это был симпатичный и приятный в общении человек. Он был органически неспособен ссориться с друзьями, хотя по вопросам науки и политики нередко с ними расходился. Его отношения с учениками были мало похожи на отношения Кенэ с членами секты. Он вовсе не чувствовал и не вел себя как учитель.

В сильнейшей степени обладал Рикардо качествами семьянина, главы большой семьи. Не только его дети, но и младшие братья и сестры, и даже родственники жены смотрели на него как на старшего, мудрого и справедливого человека. (Кое-что здесь, впрочем, значило и богатство!) В последние годы жизни он много занимается воспитанием детей, женит старшего сына, выдает замуж дочерей, улаживает разные мелкие семейные конфликты. Когда в его гостеприимный дом в Гэткомб-парке съезжаются дети с внуками и другие родственники, он чувствует себя, несмотря на отнюдь не преклонный возраст, библейским патриархом. Большой дом всегда наполнен не только родственниками, но и гостями всякого рода. Здесь и знакомые из Лондона, со всеми знакомыми, и соседи-помещики, и друзья и подруги детей.

Рикардо был хорошо образованным человеком. Но объемом знаний и интересов он далеко уступал энциклопедическому уму Адама Смита. В круг его интересов мало входили искусство, изящная литература, даже история.

Трудно назвать это недостатком Рикардо. Выполнение его исторической миссии в науке требовало огромной интеллектуальной концентрации в одной области. Если бы он пытался стать всезнайкой, он, вероятно, не смог бы сделать того, что он за короткое время сделал в политической экономии. Каждый интеллект имеет свои границы. Это должно иной раз показаться грустным, но это может быть необходимо и даже полезно для его главного дела.

О восприятии Давидом Рикардо мира в его многообразии мы можем лучше всего судить по «журналу», который он вел во время заграничного путешествия 1822 г. в виде писем-отчетов родным. Это единственная большая серия его писем, где политическая экономия не является главной темой. Надо сказать, что этот «журнал» во многом рисует довольно заурядного человека с восприятием и взглядами среднего английского джентльмена из числа тех, которые во множестве устремились на континент после окончания многолетних войн. В «журнале» — изобилие бытовых подробностей, добродушный юмор, известная наблюдательность. Но не более того. Рикардо добросовестно осматривает соборы, музеи и дворцы, но это только взгляд туриста, выполняющего обязательную программу. Все, что он видит, не вызывает у него ни сильных эстетических ощущений, ни исторических и культурных ассоциаций, ни глубоких размышлений. Даже с точки зрения экономиста наблюдения могли бы быть богаче и интереснее.

Конечно, это семейный документ, который вовсе не предназначался для публикации и автор которого не претендовал ни на что, кроме добросовестной информации детям о родителях и сестрах. Это понятно. Но в документе, который занимает почти 200 страниц книжного текста, личность автора неизбежно рисуется даже вне зависимости от того, о чем и для кого он пишет.

Рикардо и Маркс

В 1871 г. русский ученый Н. И. Зибер опубликовал свою магистерскую диссертацию, защищенную в Киевском университете, под заглавием «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями». Эта работа была, по существу, первой серьезной и сочувственной реакцией в России на вышедший в свет четырем годами раньше первый том «Капитала».

Маркс был хорошо знаком с ней и в послесловии ко второму изданию «Капитала» в 1873 г. писал: «...г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо».

Зибер ухватил и талантливо раскрыл ту важнейшую черту учения Маркса, что оно возникло на основе самой глубокой и передовой экономической теории, созданной ранее. Во втором издании своей книги, которое появилось в 1885 г., Зибер связал имена Рикардо и Маркса даже в заглавии: «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Не понимая и не принимая революционную диалектику Маркса, Зибер гораздо хуже видел другую сторону дела: принципиальное отличие Маркса от Смита и Рикардо, подлинный переворот в науке, совершенный Марксом.

Критика Марксом теории Рикардо сама представляет собой поразительный образец добросовестности и конструктивности. Рикардо

посвящена примерно треть обширного текста «Теорий прибавочной стоимости». Маркс в своей критике много раз использует такой прием: он показывает, как должен был бы рассуждать Рикардо, если бы он последовательно развивал свои собственные верные исходные посылы. Маркс вскрывает объективную, исторически обусловленную ограниченность классической школы.

Рикардо был гений, но никакой гений не может выпрыгнуть за рамки, поставленные эпохой и классом. И Маркс критикует Рикардо не за то, что он был буржуазный экономист, а за то, что в своей научной концепции, которая не могла быть никакой иной, кроме буржуазной, он непоследователен.

Что же сделал Маркс на основе учения Смита — Рикардо?

Маркс превратил трудовую теорию стоимости в глубокую и логически стройную систему, на основе которой построил все здание принципиально новой политической экономии. Он освободил трудовую теорию стоимости от противоречий и тупиков, которые мучили Рикардо. Решающее значение при этом имел анализ двойственной природы труда, заключающегося в товаре, — труда конкретного и абстрактного. Исходя из трудовой теории стоимости, Маркс создал также теорию денег, объясняющую явления металлического и бумажно-денежного обращения.

Объяснив природу рабочей силы как товара, обрисовав исторические условия купли-продажи рабочей силы, Маркс смог построить свою теорию прибавочной стоимости на базе трудовой теории стоимости и в полном соответствии с ней. Было впервые научно объяснено, как в рамках «справедливого», эквивалентного обмена между капиталом и трудом в действительности осуществляется эксплуатация рабочего класса.

Прибавочная стоимость стала у Маркса всеобщей формой присвоения капиталом неоплаченного труда и его продукта. Зачатки этой идеи, имеющиеся у Рикардо, получили всестороннее развитие и привели к единой системе. Конкретные формы нетрудового дохода — прибыль, рента, ссудный процент — заняли свои места в этой системе. Классовый характер проблемы распределения выявился с большой силой и четкостью.

Теорией средней прибыли и цены производства Маркс, как уже говорилось, разрешил «роковое» противоречие Рикардо. Но мало этого. Тем самым был сделан вывод огромной важности: хотя каждый капиталист непосредственно эксплуатирует «своих» рабочих, все капиталисты как бы складывают добытую прибавочную стоимость в общий котел и делят ее по капиталу, экономически весь класс капиталистов как единое целое противостоит рабочему классу.

Используя научные элементы, имевшиеся в рикардовом учении о земельной ренте, Маркс создал глубокую концепцию, объясняющую ренту как форму дохода землевладельцев и закономерности развития капитализма в сельском хозяйстве.

Маркс отверг взгляды Рикардо и Сэя о невозможности общего перепроизводства и кризисов. Он впервые разработал основы теории воспроизводства и показал неизбежность периодических кризисов в капиталистической экономике.

Социальный пессимизм Рикардо, отчасти перешедший к нему от Мальтуса, уступил место марксову всеобщему закону капиталистического накопления, который логически вытекает из всего его учения. Маркс показал как имеющиеся еще возможности поступательного развития капитализма, так

и неизбежность его революционного крушения и замены капитализма социализмом.

Глава 13

ВОКРУГ РИКАРДО – И ПОСЛЕ

Как ученики Кенэ на полвека раньше толковали о создании «новой науки», так в последние годы жизни Рикардо и после его смерти было принято говорить о «новой науке политической экономии».

Действительно, в трудах Рикардо был очерчен предмет политической экономии (общественные отношения людей в связи с производством материальных благ) и разработан ее метод (научная абстракция). Казалось, она приобрела в известной мере черты, свойственные точным и естественным наукам. Подобно геометрии, она покоилась теперь на системе основополагающих постулатов и вытекающих из них теорем. Но политическая экономия, в отличие от геометрии, классовая наука. Каковы бы ни были субъективные намерения ученого, его идеи всегда более или менее непосредственно служат интересам определенного класса. Учение Рикардо было открыто и смело буржуазным. Но именно эта открытость и смелость перестала устраивать буржуазию, когда классовая борьба в Англии обострилась: в 30-х и 40-х годах, в период чартизма, она стала центром всей общественной и политической жизни.

В этих новых условиях последователи Рикардо, которые вплоть до середины столетия и даже позже занимали ведущее место в английской буржуазной политэкономии, стали отказываться от наиболее смелых и радикальных сторон его учения, приспосабливать это учение к интересам буржуазии. Они либо занимались простым комментированием Рикардо, либо подправляли его в апологетическом духе.

В 1851 г. Маркс, основательно проработав в библиотеке Британского музея новую английскую экономическую литературу, писал Энгельсу: «В сущности эта наука со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало». Надо обратить внимание не только на первую, но и на вторую часть этого высказывания. Обилие специальных экономических исследований отражало быстрое развитие капитализма и объективную необходимость изучения отдельных сторон хозяйства. Скелет экономической науки обрстал мясом. Большой путь развития прошла статистика, в частности успешно разрабатывался метод индексов. Описывался и анализировался рост отдельных отраслей промышленности. Проводились конкретные исследования в области аграрной экономики, движения цен, денежного обращения, банковского дела. Возникла обширная литература о положении рабочего класса. К середине века политическая экономия уже заняла прочное место в учебных программах университетов.

Все это касается буржуазной, официальной науки. Но наряду с этим в 20—40-х годах в Англии активно выступают и писатели, которых Маркс назвал пролетарскими противниками политикоэкономов. Из учения Рикардо они брали те элементы, которые можно было повернуть против буржуазии.

Английская политическая экономия 20—40-х годов XIX в. сыграла важную роль в развитии экономического учения Маркса. Значительная часть

«Теория прибавочной стоимости» посвящена критическому анализу взглядов английских экономистов этой эпохи. Марксово учение выковывалось в борьбе с вульгаризаторами буржуазной классической политэкономии, среди которых, с одной стороны, видное место занимали открытые противники Рикардо во главе с Мальтусом, а с другой — «последователи» Рикардо, которые обрабатывали его в апологетическом духе. Теория прибавочной стоимости была создана Марксом в ходе острой и глубокой научной критики вульгарных элементов в английской буржуазной политэкономии. Эта критика сыграла важную роль в обосновании Марксом трудовой теории стоимости и ценообразования, теории прибыли, всеобщего закона капиталистического накопления.

XIX столетие

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела ...

С глубиной и образностью поэтического мышления здесь обрисованы некоторые гнусные черты этого века полного торжества буржуазии. Романтический протест против него не нов. Современником Рикардо был Байрон, который писал об английских богачах:

Их бог, их цель, их радость в дни невзгод, Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!

Нигде «век буржуазного богатства» не проявлял себя с таким цинизмом и вместе с тем с таким лицемерием, как в Англии. Нигде «равенство и братство» не оборачивалось таким издевательством над народом. Чудовищная нищета среди неслыханного богатства... Фактическое бесправие под сенью британской свободы и конституции... Вопиющее невежество рядом с быстрым развитием наук... Такова Англия первой половины XIX в.

Деньги становились единственной и всеобъемлющей связью, объединяющей людей в обществе. Человек ныне расценивался только с той точки зрения, есть ли у него капитал и каков размер этого капитала. Бедняк, который еще 50—100 лет назад был множеством уз связан с землей отцов, с

родной долиной, который мог в последней крайности рассчитывать на помощь общины, иной раз на покровительство лендлорда, ныне не был ни с чем связан и не мог ни на что рассчитывать. Он был теперь пролетарием, единственное достояние которого — рабочие руки, а единственный источник существования — продажа этих рук капиталисту.

Фабрикант для пролетария — безликая гнетущая сила капитала, пролетарий для фабриканта — живая машина, орудие для извлечения прибыли. Их «человеческие отношения» сводятся к еженедельной выплате заработной платы, в крайнем случае к благотворительности, отвратительное ханжество которой могло тогда казаться чуть ли не чертой английского национального характера.

Капиталисты требовали и добились полной свободы эксплуатации рабочих. «Анархия плюс констебль» — так назвал эту систему Томас Карлейль, который был в первую половину своей деятельности страстным критиком буржуазных порядков. Он подразумевал, что государство предоставляет капиталистам полную свободу делать деньги и конкурировать между собой, как им заблагорассудится, но выполняет функцию охраны этой «свободы» и частной собственности с помощью полиции.

Тому же Карлейлю принадлежит знаменитый ярлык, наклеенный им на политическую экономию: *dismal science* (мрачная наука). Что он имел в виду? Во-первых, рикардianская политическая экономия, как мы знаем, была начисто лишена всякой сентиментальности. Она не делала секрета из тяжелого положения рабочих, но считала его естественным. Во-вторых, смыкаясь по этой линии с Мальтусом, она видела главную причину бедности в извечном разрыве между населением и природными ресурсами и потому мрачно смотрела на будущее.

Но для английских толстосумов политическая экономия вовсе не была мрачной наукой. Они думали, что основанная Смитом и Рикардо наука должна помочь им найти способы более быстрого обогащения. Популярность понимаемой таким образом политической экономии принимала юмористические формы. Мария Эджуорт рассказывает, что в 20-х годах в лондонском дамском обществе стало очень модно говорить на темы политической экономии. Богатые лещи, нанимая гувернанток, иной раз требовали, чтобы те обучали их детей этой науке. Одна гувернантка, которая считала, что она вполне достаточно вооружена знанием французского, итальянского, музыки, рисования, танцев и т. п., и была ошеломлена этим требованием, поколебавшись, ответила: «Нет, мэм, я не могу сказать, что обучаю политической экономии, но, если вы считаете нужным, я попытаюсь изучить ее». — «О нет, дорогая, если вы не обучаете этому, вы мне не подойдете».

Политическая экономия нуждалась в соответствующей философской базе. Что характерно для английской мысли той эпохи, так это большое и непосредственное влияние, которое оказывала политическая экономия на само развитие философии. Англия отличалась этим от Германии, где зависимость была скорее обратной. Английской буржуазии была нужна философия, которая прямо подпирала бы «науку об обогащении». Такой философией явился утилитаризм в этике и позитивизм в гносеологии (теории познания).

Отцом утилитаризма был Джереми Бентам (1748— 1832). Бентамов утилитаризм (философия пользы, от латинского *utilitas*) исторически связан со

взглядами на природу и поведение человека, которые развивали Гельвеции и Смит (см. гл. 9). Человек по природе своей эгоист. Суть всякого решения, в том числе экономического, заключается в том, что он мысленно сопоставляет связанные с ним плюсы и минусы (удовольствие и страдание, пользу и ущерб); стремясь максимизировать первое, минимизировать второе. Наибольшего успеха он достигает, когда делает выбор свободно и разумно. Задача общества, государства, законодателей состоит в том, чтобы создавать для этого возможно благоприятные условия. Общество только сумма индивидов. Чем больше будет польза, удовольствие, счастье каждого, тем больше будет «совокупное счастье» в обществе. Бентам выдвинул пресловутый лозунг — «наибольшее счастье для наибольшего числа людей». Из этой философии вытекал полностью усвоенный буржуазной политической экономией принцип индивидуализма: каждый за себя в конкурентной борьбе. Капиталист должен иметь возможность свободно покупать, рабочий — продавать рабочую силу. Предполагается, что они заключат эту сделку так, чтобы взаимно максимизировать свою пользу.

Эта идея «человека-счетчика» через несколько десятилетий была воспринята субъективной школой в политической экономии. Ведь для нее главная экономическая проблема — это сравнение степеней удовлетворения от потребления человеком различных товаров, сравнение полезности зарплаты с «антиполезностью» (тягостью) труда и т. п..

Первоначально утилитаризм Бентама был в общем прогрессивен, так как выдвигал идеи буржуазной свободы против феодализма. Сам Бентам стоял во главе кружка радикалов, выступавших за парламентскую реформу, охрану труда, права женщин, освобождение рабов в колониях. Когда, однако, скромные либеральные требования бентамистов были в основном претворены в жизнь и когда, с другой стороны, обострилась классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, утилитаризм потерял почву под ногами и вылился в заурядную апологетику капитализма.

Позитивизм (от латинского *positivus* — положительный) был обширным течением в западноевропейской философии XIX в. В Англии он был связан с традициями, которые шли от юмова агностицизма. Согласно этим представлениям, задача науки лишь в описании и систематизации фактов, выход за эти пределы — бесплодная «метафизика». Это сознательно приземленная, прозаическая философия века буржуазного стяжательства. Крупнейшим философом-позитивистом был Джон Стюарт Милль. Вполне закономерно философия позитивизма стала основой для экономической теории самого Милля и его времени (середина XIX в.), а также и для последующего развития буржуазной политической экономии.

Мальтус

Мальтус — одиозная фигура в истории политической экономии. Прошло более 170 лет после выхода в свет «Опыта о законе народонаселения», но идеи и имя его автора и теперь объект острых идеологических и политических дискуссий. От Мальтуса ведет свое начало мальтузианство — теория народонаселения, утверждающая, что все бедствия человечества должны быть приписаны перенаселению, а общественный строй тут ни при чем. В настоящее время мальтузианство играет немалую роль в идеологической борьбе между капитализмом и социализмом за развивающиеся страны. Реакционные мальтузианцы утверждают, что

центральная проблема для этих стран — излишек и чрезмерно быстрый рост населения; решение этой проблемы и минимум буржуазных по своей сущности реформ могут открыть им «путь в высшее общество» (разумеется, капиталистическое). Марксисты говорят, что для скорейшей ликвидации экономической отсталости, необходим некапиталистический путь развития, необходимы коренные социальные преобразования, которые только и могут дать выход скованной энергии народов. В этих условиях и рамках может быть эффективна известная политика регулирования рождаемости и роста населения. Противоположность этих позиций очевидна.

Место Мальтуса в науке определяется двумя главными моментами: выдвинутым им «законом» народонаселения и его своеобразной ролью критика-помощника и противника-друга Рикардо.

Томас Роберт Мальтус родился с 1766 г. в сельской местности недалеко от Лондона и был вторым сыном просвещенного сквайра (помещика). Поскольку состояния в английских семьях не делятся между детьми, он не получил наследства, но зато получил хорошее образование — сначала дома, а потом в колледже Иисуса Кембриджского университета. Окончив колледж, Мальтус принял духовный сан в англиканской церкви и получил скромное место второго священника в сельском приходе. В 1793 г. он стал также членом (преподавателем) колледжа Иисуса и оставался им до своей женитьбы в 1804 г.: условием членства в колледже было безбрачие.

Много времени молодой Мальтус проводил в доме отца, с которым вел бесконечные беседы и споры на философские и политические темы. Как это ни странно, старик был энтузиастом и оптимистом, а молодой человек — скептиком и пессимистом. Мальтусу-старшему были близки идеи французских энциклопедистов и английского утопического социалиста Уильяма Годвина о бесконечной возможности совершенствования общества и человека, о близости «золотого века» человечества. Мальтус-младший был настроен ко всему этому критически. На будущее человечества он смотрел мрачно, в утопии Годвина не верил. Подыскивая аргументы в спорах с отцом, он натолкнулся у нескольких авторов XVIII в. на идею о том, что люди размножаются быстрее, чем растут средства существования, что население, если его рост ничем не сдерживается, может удваиваться каждые 20—25 лет. Мальтусу казалось очевидным, что производство пищи не может расти столь же быстрыми темпами. Значит, силы природы не позволяют человечеству выбиться из бедности. Чрезмерная плодovitость бедняков — вот главная причина их жалкого положения в обществе. И выхода из этого тупика не предвидится. Никакие революции тут не помогут.

В 1798 г. Мальтус анонимно опубликовал небольшой памфлет под заглавием «Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества». Свои взгляды он излагал резко, бескомпромиссно, даже цинично. Мальтус, например, писал: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если его не могут прокормить родители, чего он может обоснованно требовать, и если общество не нуждается в его труде, не имеет *права* на какое-либо пропитание; в сущности, он лишний на земле. На великом жизненном пиру для него нет места. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести свой приговор в исполнение».

Мальтус, видимо, был из породы тех английских джентльменов, которые непоколебимо уверены в превосходстве своего класса и своей нации, которые презирают всякое сюсюканье о бедных, несчастных и калеках, кото-

рые с невозмутимым хладнокровием, в белых перчатках и строгом сюртуке, могут присутствовать и при бунте фабричных и при казни сипаев. Такие люди считают жестокость разумной необходимостью, а гуманность — вредной выдумкой.

Впрочем, в жизни Мальтус, как сообщают современники, был общительным и даже приятным человеком: его дружба с Рикардо косвенно это подтверждает. Он отличался удивительной уравновешенностью и спокойствием духа, никто никогда не видел его рассерженным, слишком радостным или слишком угнетенным. Такой характер позволял ему с равнодушием (может быть, и показным) выносить хулу, которой он подвергался за свои жестокие взгляды.

Правящим классам Англии, боявшимся влияния французской революции на народ, книжка Мальтуса пришлась как нельзя кстати. Мальтус сам был удивлен ее успехом и занялся подготовкой второго издания. Он съездил за границу (Швеция, Норвегия, Россия, Франция, Швейцария), где занимался сбором материала в обоснование своей теории. Второе издание резко отличалось от первого: это был обширный трактат с историческими экскурсами, критикой ряда авторов и т. п. Всего при жизни Мальтуса вышло шесть изданий «Опыта», причем последнее превышало по объему первое в 5 раз!

В 1805 г. Мальтус получил кафедру профессора современной истории и политической экономии в только что основанном колледже Ост-Индской компании. Он исполнял также в колледже обязанности священника. В 1815 г. Мальтус опубликовал свою работу о земельной ренте, в 1820 г. — книгу «Принципы политической экономии», в основном содержащую полемику с Рикардо. Лекции и выступления Мальтуса отличались сухостью, склонностью к доктринерству. К тому же его трудно было слушать, так как он от рождения страдал дефектом речи. По политическим взглядам он был вигом, но весьма умеренным, всегда стремился, как сказано о нем в английском биографическом словаре, к золотой середине. Умер он скоропостижно в декабре 1834 г. от болезни сердца.

Люди и их Земля

Мальтусову теорию народонаселения было бы неверно списывать со счетов как глупость или грубую апологетику. О ее влиянии на их мышление говорили такие люди, как Давид Рикардо и Чарлз Дарвин. Маркс и Энгельс писали, что она, хотя и в извращенной форме, отражает реальные пороки и противоречия капитализма.

Итак, Мальтус говорил, что население имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем средства существования. Чтобы «доказать» это, он с размаху бил по голове читателя молотком своей пресловутой прогрессии: каждые 25 лет население может удваиваться и, следовательно, возрастать как ряд чисел геометрической прогрессии 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64... тогда как средства существования могут якобы в лучшем случае возрастать в те же промежутки времени лишь в арифметической прогрессии: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... «Через два столетия народонаселение относилось бы к средствам существования, как 256 к 9; через три столетия, как 4096 к 13, а по прошествии двух тысяч лет отношение это было бы беспрельдно и неисчислимо».

Мальтус был, возможно, неплохой психолог и ощущал силу таких простых и броских иллюстраций. Читатель был склонен забывать, что это

только тенденция, и у него волосы становились дыбом от апокалиптического видения мира, где людям уже негде стоять, не то что жить и работать. Автор немного успокаивал его воображение, говоря, что в действительности это невозможно: природа сама заботится о том, чтобы эта тенденция не стала реальностью. Как она это делает? С помощью войн, болезней, нищеты и пороков. Все это Мальтус считал как бы естественным (в сущности, божественным) наказанием человека за его греховность, за неистребимый инстинкт пола. Неужели нет другого выхода? Есть, говорил Мальтус в своей книге, начиная с ее второго издания: «превентивные ограничения», или, проще говоря, половое воздержание. Мальтус хвалил поздние браки, безбрачие, вдовство. Но, положив руку на сердце, Мальтус сам не очень верил в эффективность этих мер, и опять возвращался к неизбежности позитивных ограничений. Любопытно, что Мальтус в то же время отрицательно относился к противозачаточным средствам, вопрос о которых уже начинал обсуждаться в его время. Такое ограничение рождаемости он отрицал как вторжение в компетенцию природы, т. е. опять-таки бога. Перенаселение в системе Мальтуса не только проклятье человечества, но своего рода благо, божественный хлыст, подстегивающий ленивого от природы рабочего. Лишь постоянная конкуренция других рабочих, которых всегда слишком много, заставляет его работать усердно и за низкую плату.

Мальтусова теория страдает крайней негибкостью, догматизмом. Ограниченный и притом отнюдь не достоверный опыт определенной стадии развития капитализма она пытается выдать за всеобщий закон, действительный для любой эпохи и любого общественного строя.

Неверно прежде всего, что тенденция к безудержному размножению может преодолеваться только недостатком средств существования и вырастающими из этого мальтусовыми демонами. Мальтус утверждал, что рост средств существования немедленно вызывает реакцию в виде увеличения рождаемости и численности населения, пока это опять-таки не нейтрализует указанный рост. В действительности эта тенденция не только не является абсолютной, но на определенной стадии развития общества явно уступает место прямо противоположной тенденции: увеличение средств существования и повышение жизненного уровня способствуют снижению рождаемости и темпов роста населения. В современных богатых странах Запада естественный прирост населения в 2—3 раза ниже, чем в бедных странах Азии, Африки, Латинской Америки. За 20—25 последних лет Япония, как известно, достигла значительного экономического роста, а рождаемость за эти же годы снизилась почти вдвое.

Социализм полностью разрывает «роковую» связь между перенаселением и нищетой масс. Новый общественный строй дает невиданно быстрый рост производства материальных благ и более равное их распределение. Вместе с тем он дает людям обеспеченность, личную свободу, подлинное равенство мужчин и женщин, быстрый рост культурного уровня, открывая тем самым путь для разумного и гуманного регулирования народонаселения. Именно при социализме и коммунизме открывается возможность решения одной из величайших проблем, стоящих перед человечеством,— проблемы *оптимума населения*, т. е. обеспечения такого роста населения, который максимизировал бы производство и потребление, а в конечном счете, если угодно, человеческое благосостояние, счастье.

Обратимся теперь ко второму мальтусову участнику вечной гонки

населения и ресурсов — к средствам существования с их арифметической прогрессией. Здесь Мальтус оказывается еще более неправ.

В самом деле, он рисовал примерно такую картину. Представьте себе участок земли, на котором кормится один человек. Он вкладывает за год 200 человеко-дней труда и получает со своего участка, скажем, 10 тонн пшеницы, которых ему как раз хватает. Приходит второй человек (может быть, вырастает сын) и на том же участке вкладывает еще 200 человеко-дней. Поднимется ли сбор зерна ровно вдвое, до 20 тонн? Едва ли, полагает Мальтус; хорошо, если он возрастет до 15 или 17 тонн. Если же придет третий, то на новые 200 человеко-дней они получат еще меньше отдачи. Кому-то придется уйти.

Это в самом примитивном изложении так называемый закон убывающей отдачи (доходности), или так называемый закон убывающего плодородия почвы, лежащий в основе учения Мальтуса. Существует ли такой закон? Как некий абсолютный и всеобщий закон производства материальных благ — безусловно нет. При определенных условиях в экономике, очевидно, могут возникать такие ситуации и явления, когда прирост затрат не дает пропорционального прироста продукции. Но это вовсе не всеобщий закон. Скорее это сигнал для экономистов и инженеров, что в данном секторе хозяйства что-то не в порядке.

Приведенный выше пример изображает совершенно гипотетическую и условную ситуацию и уж во всяком случае не исчерпывает проблему использования человеком ресурсов природы. Труд, о котором там идет речь, в реальной жизни прилагается в сочетании с определенными средствами производства. Если это сочетание правильно подобрано, отдача данного количества рабочих часов не уменьшится. Особое значение имеет технический прогресс, т. е. вооружение труда все более производительными орудиями и методами. Данный участок может быть объединен с несколькими соседними, и отдача, весьма вероятно, возрастет в связи с увеличением масштабов производства, за счет лучшей организации, специализации, более эффективного применения техники.

Исторический опыт развития сельского хозяйства в капиталистических странах опровергает Мальтуса и его прогнозы. На это неоднократно указывал В. И. Ленин в своих работах по аграрному вопросу: технический прогресс в сельском хозяйстве во второй половине XIX в. позволил значительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции при относительном (и даже в ряде случаев абсолютном) сокращении занятой в сельском хозяйстве рабочей силы. Не менее резкие изменения в том же направлении происходят в сельском хозяйстве Северной Америки и Западной Европы после второй мировой войны. Это еще раз подтверждает, что угроза капитализму как системе вытекает не из «недопроизводства» жизненных средств, а из тех общественных противоречий, которые порождает эта система.

Фиксируя внимание на перенаселении, Мальтус отражал действительно, присущую капитализму тенденцию к превращению части пролетариата в «лишних людей», к созданию постоянной резервной армии безработных. Только это перенаселение, вопреки Мальтусу, является не абсолютным избытком людей по сравнению с естественными ресурсами, а относительным избытком рабочих, создаваемым законами капитализма. Историческое место Мальтуса видно из следующих слов Ленина: «Развитие капиталистической

машинной индустрии с конца прошлого (XVIII.— А. А.) века повело за собой образование излишнего населения, и пред политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественноисторическими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически определенного, строя общественного хозяйства...».

Объективный смысл сочинений Мальтуса в значительной мере сводится к защите интересов земельных собственников. В работе о ренте и в его «Принципах» (1820 г.) это проявляется в полной мере.

Эта классовая позиция и личные свойства делали точку зрения Мальтуса в науке во многом отличной от Рикардо. В частности, там, где Рикардо смотрел, так сказать, вдаль, поверх противоречий и проблем, казавшихся ему частными и преходящими, Мальтус останавливался и приглядывался. Так случилось с проблемой кризисов, которую Рикардо игнорировал, а Мальтус — нет.

Как уже говорилось, в этой области буржуазная политэкономия исторически делилась на два главных течения. Смит и Рикардо считали, что ключевой проблемой для капитализма является накопление, обеспечивающее рост производства, тогда как со стороны спроса и реализации никаких серьезных трудностей не существует. Мальтус (одновременно с Сисмонди) выступил против этой точки зрения и впервые поставил в центр экономической теории проблему реализации. Тем самым он обнаружил незаурядное чутье противоречий капиталистического развития. Рикардо полагал, что реализация любого количества товаров и услуг может быть обеспечена за счет совокупного спроса капиталистов (включая спрос на товары производственного назначения) и рабочих. И он был в принципе прав. Но возможность такой реализации не означает, что в действительности она протекает гладко и бесконфликтно. Совсем нет. Ход реализации прерывается кризисами перепроизводства, которые с развитием капитализма все обостряются. Разрешение проблемы реализации и кризисов Мальтус искал в существовании общественных классов и слоев, не относящихся ни к капиталистам, ни к рабочим. Предъявляемый ими спрос только и может, говорил он, обеспечить реализацию всей массы производимых товаров. Таким образом, спасителями общества у Мальтуса выступают те самые землевладельцы и их челядь, офицеры и попы, которых Смит в свое время прямо назвал паразитами.

Кейнсианство — ведущее направление в буржуазной политэкономии XX в.— возродило и взяло на вооружение основные идеи Мальтуса по вопросу о реализации и факторах «эффективного спроса». Не случайно Кейнс писал, что капитализму было бы гораздо лучше, если бы экономическая наука в свое время пошла не по пути, намеченному Рикардо, а по пути Мальтуса. В современном арсенале экономической политики потребление товаров различными промежуточными слоями и подталкивание этого потребления государством занимает видное место как антикризисная мера. Буржуазная экономическая мысль, неспособная дать научное объяснение основных закономерностей капитализма, вместе с тем прагматически, под давлением обстоятельств находит известные методы смягчения конкретных противоречий капиталистической системы.

Разложение рикардизма

Сочинения Джемса Милля и Мак-Куллоха представляли собой в 20-х и 30-х годах самое старательное воспроизведение и популяризацию буквы учения Рикардо. Что касается духа этого учения, то они его не понимали и не могли развивать. Убожество ближайших последователей Рикардо признается и современными буржуазными экономистами. Шумпетер пишет, что его учение «увяло в их руках и стало мертвым и бесплодным немедленно». Но причины этого он видит, по существу, в бесплодности самого учения Рикардо.

В чем подлинная причина печальной судьбы наследия великого экономиста? Рикардо оставил глубокую систему идей, но вместе с тем полную кричащих противоречий и пробелов. Он сам лучше, чем кто-либо, сознавал это. Чтобы действительно развивать Рикардо, надо было, усвоив основы его учения, найти научное разрешение этих противоречий.

Конечно, важное значение имело то, что люди, окружавшие Рикардо, были лично неспособны решать такие задачи. Но этим проблема не исчерпывается. Как ни велика роль личности в науке, она подчиняется тем же законам, что роль личности в истории вообще: эпоха, историческая необходимость порождают людей, способных решать назревшие задачи. Дело в том, что в тех конкретных условиях творческое развитие учения Рикардо требовало перехода на позиции иной идеологии, оно было, по существу, невозможно в рамках идеологии буржуазной. Поэтому подлинным наследником Рикардо явился марксизм.

Вспомним два главных противоречия, на которые натолкнулся Рикардо. *Первое.* Он не мог объяснить, каким образом обмен капитала на труд (проще говоря, наем рабочих капиталистом) совместим с его трудовой теорией стоимости. Если рабочий получает полную «стоимость своего труда» (мы знаем, что это выражение неправомерно, но Рикардо говорил именно так), т. е. если его заработная плата равна создаваемой его трудом стоимости товара, то, очевидно, невозможно объяснить прибыль. Если же рабочий получает неполную «стоимость труда», то где же здесь обмен эквивалентов, закон стоимости? *Второе.* Он не мог совместить трудовую стоимость с явлением равной прибыли на равный капитал. Если стоимость создается только трудом, то товары, на которые затрачивается равное количество труда, должны продаваться по примерно одинаковым ценам, какие бы по размерам капиталы ни применялись при их производстве. Но это означало бы различную норму прибыли на капитал, что, очевидно, невозможно как длительное явление.

Мы уже знаем, как разрешил эти противоречия Маркс. Посмотрим, каким путем пошли английские экономисты 20—30-х годов. При этом мы не станем разбираться в тонкостях отдельных авторов, а покажем общую тенденцию. Ученики Рикардо не могли найти разрешения этих противоречий и попытались обойти их следующим образом.

Капитал есть накопленный труд. От этой вполне рикардианской пещки танцевали Милль, Мак-Куллох и др. Следовательно, в стоимость товара, производимого трудом при помощи капитала, должна входить стоимость последнего. Если речь идет о том, что в стоимость товара входит перенесенная стоимость машин, сырья, топлива и т. д., то это верно. Но тогда мы ни на шаг не приблизились к ответу на вопрос, откуда берется прибыль. Ведь не станет капиталист авансировать капитал, т. е. покупать эти средства производства, только ради того, чтобы их стоимость была воспроизведена в готовом товаре.

Нет, говорили экономисты, мы имеем в виду не это. На фабрике работает- рабочий, но работает и машина. По аналогии можно сказать, что «работает» также хлопок, уголь и т. д. Ведь все это накопленный труд. Работая, они создают стоимость. Создаваемая ими часть стоимости есть прибыль, она, естественно, достается капиталисту и пропорциональна капиталу.

Это — псевдоразрешение рикардовых противоречий. По этой схеме рабочий получает «полную стоимость труда», ибо все, что он недополучил из вновь созданной стоимости, создал ведь не он, не его живой труд, а прошлый труд, воплощенный в капитале. Стоимость товара, создаваемая этим совместным трудом, при реализации товара приносит капиталисту среднюю прибыль на капитал. Такая концепция устраняет научную основу учения Рикардо — трудовую теорию стоимости, от которой остается одна видимость. Стоимость товара теперь складывается из издержек капиталиста на средства производства, его затрат на заработную плату и из прибыли. Иначе говоря, стоимость равна издержкам производства плюс прибыль.

Но ведь это банальнейшая вещь, скажете вы, это трюизм. Отнюдь не будучи капиталистами, вы легко догадаетесь, что капиталист, примерно определяя цены своих товаров, делает именно так: калькулирует издержки и накидывает на них какую-то сносную прибыль. В том-то и дело, что эта теория описывает самые поверхностные, обыденные вещи и не идет глубже. А там, где за видимостью явления не раскрывается его сущность, кончается наука.

И как эта схема хороша для капиталистов! В самом деле, рабочий получает заработную плату, справедливо вознаграждающую его труд. Капиталист получает прибыль — опять-таки законное вознаграждение за «труд» принадлежащих ему зданий, машин, материалов. К этому легко добавить, что владелец земли с полным основанием получает ренту: ведь земля *тоже* «работает». Антагонизм классов, который выпирал из учения Рикардо, здесь исчез, уступив место мирному сотрудничеству труда, капитала и земли. Подобную схему во Франции еще ранее выдвинул Сэй, только он не утруждал себя попытками подогнать ее под трудовую теорию стоимости. Труд — заработная плата; капитал — прибыль; земля — рента. Эта триада, соединяющая факторы производства и соответствующие доходы, утвердилась в английской политической экономии к середине XIX в.

В теории стоимости, которую часто называют теорией издержек производства, было очевидное слабое место. Стоимость товара объяснялась издержками, т. е. стоимостью товаров, участвующих в производстве. По существу, цены объяснялись ценами. В самом деле, ткань стоит столько-то шиллингов и пенсов за ярд потому, что труд стоит столько-то, машины — столько-то, хлопок — столько-то и т. д. Но почему машины стоят столько, а не больше и не меньше? И так далее. Вопрос о конечной основе цен, который всегда был центральным для политэкономии, здесь просто обходился, а тесно связанный с ним вопрос о конечном источнике доходов решался апологетически.

Чтобы как-то преодолеть эту трудность, экономисты 30—50-х годов сделали следующие шаги, все далее отходя от Рикардо и все больше прокладывая путь к концепциям Джевонса и особенно Маршалла. С одной стороны, издержки стали трактоваться не как объективные стоимости, в конечном счете все же зависящие от затрат труда, а как субъективные жертвы

рабочего и капиталиста. С другой стороны, стоимость все менее считалась функцией одной переменной, издержек производства, и все более — функцией многих переменных, особенно спроса на данный товар и его полезности для покупателя. На стоимость переставали смотреть как на естественную основу, центр колебаний цен. Речь теперь шла о том, чтобы непосредственно объяснить цены, а цены, конечно, устанавливаются и меняются под влиянием многих факторов.

Дальнейшие шаги на пути вульгаризации Рикардо были сделаны также по пути объяснения капиталистической прибыли так называемым «воздержанием» капиталистов. Эта концепция в большей мере связана с именем английского экономиста Н. У. Сениора (1790—1864). Объяснение прибыли тем, что ее порождают работающие машины, здания и материалы, казалось многим экономистам неудовлетворительным. Поэтому была выдвинута теория о том, что прибыль порождается «воздержанием» капиталиста, который мог бы затратить свой капитал на потребление, но «воздерживается» от этого. Критика буржуазных теорий прибыли сыграла важную роль в становлении экономического учения Маркса.

Представим себе двух капиталистов, имеющих денежный капитал по 10 тыс. фунтов стерлингов каждый. Первый вкладывает капитал, скажем, в пивоваренный завод, сидит в конторе, следит за работой. Итог года: тысяча фунтов прибыли, или 10% на капитал. Второй капиталист тоже имеет 10 тыс. фунтов стерлингов, но он не любит вонь пивной браги и конторскую суету. Вместе с тем он не хочет истратить свои деньги на новый дом, экипаж и т. п. Он обращается к первому капиталисту с предложением: «Присоедини мои 10 тыс. к твоему капиталу, расширь свой завод, а мне выплачивай 5% в год, 500 фунтов». Первый капиталист соглашается. Очевидно, чужой капитал приносит ему точно такую же норму прибыли, как и свой: ведь деньги, как говорится, не пахнут. Но половину этой прибыли он отдает собственнику капитала.

Мог бы второй капиталист истратить свои деньги на перечисленные и любые другие блага, хоть на посещение публичных домов? — спрашивают авторы теории «воздержания». Мог бы. Но он воздерживается, он предпочитает подождать год и получить проценты на свой капитал, подождать два года и еще раз получить проценты (причем капитал-то остается цел и по-прежнему при желании может быть израсходован!). Человеку по его внутренней природе свойственно предпочитать настоящие блага будущим.

Соглашаясь отказаться от настоящих благ ради будущих, наш капиталист приносит жертву и потому приобретает право на вознаграждение.

А первый капиталист? Он тоже мог бы продать свой пивоваренный завод и прожить деньги. Он этого не делает и потому имеет точно такое же право на награду за воздержание. Но он выгодно отличается от своего собрата тем, что «сам» варит пиво. За этот труд надзора, управления, руководства он должен получать своего рода заработную плату. Значит, на свой собственный капитал он получает, в сущности, не прибыль в тысячу фунтов, а два разных дохода: процент за воздержание — 500 фунтов и заработную плату за управление — еще 500 фунтов.

Прибыль как экономическая категория здесь вообще исчезает. Альфред Маршалл был по-своему логичен, когда через полсотни лет заменил триаду (труд, капитал, земля) комбинацией четырех факторов: труд — заработная плата, земля — рента, капитал — процент, «организация» — пред-

принимательский доход. «Воздержание» (abstinence), которое звучало не совсем прилично (миллионер, видите ли, воздерживается от траты своих денег и не полностью удовлетворяет свои нужды!), он заменил более приличным «ожиданием» (waiting). Тогда же были сделаны попытки объяснить на основе новых, субъективно-маржиналистских теорий, как определяется размер вознаграждения каждого фактора. Другие экономисты выделили еще один элемент капитала — риск и соответственно еще одну форму вознаграждения капиталиста — своего рода плату за страх. До сих пор спорят, входит ли вознаграждение за риск в состав ссудного процента или предпринимательского дохода (или в состав того и другого).

Какое решение проблемы дал Маркс? Распределение прибыли на процент и предпринимательский доход совершенно реально, и с развитием кредита это явление приобретает все большее значение. В результате и капиталист, использующий собственный капитал, условно разделяет прибыль на две части: плод капитала как такового (Маркс назвал его *капитал-собственность*) и плод капитала, непосредственно занятого в производстве (*капитал-функция*). Но это вовсе не значит, что в этих обеих формах капитал — воздержанием ли, трудом ли — создает стоимость и законно присваивает созданную им часть. Это двуединство капитала есть необходимое условие эксплуатации капиталом труда, производства прибавочной стоимости. Когда прибавочная стоимость создана и превращена процессом конкуренции в среднюю прибыль, встает вопрос о ее дележе между собственниками капитала и капиталистами, фактически применяющими его (если это разные лица). Но этот вопрос важен лишь с одной точки зрения: как два рода капиталистов делят между собой плоды неоплаченного труда рабочих.

Тезис о том, что прибыль сводится к ссудному проценту и «заработной плате управления», опровергается практикой акционерных обществ, особенно современных монополий. Они оплачивают проценты на заемный капитал, выдают дивиденды акционерам (это тоже род ссудного процента) и платят весьма высокие оклады наемным управляющим, которые руководят производством, сбытом и т. д. Но кроме того, они имеют нераспределенную прибыль, которая идет на накопление. Я уже не говорю о налогах, выплачиваемых государству. Объяснить с точки зрения буржуазных теорий прибыли, откуда берутся деньги на нераспределенную прибыль и налоги, довольно затруднительно.

Джон Стюарт Милль

В 50—60-х годах XIX в. Англия достигла пика своего экономического и политического могущества в мире. Буржуазия могла — и была вынуждена — слегка поделиться плодами процветания с рабочим классом, тем более что эмиграция несколько ослабляла давление относительного перенаселения в Англии. Это коснулось прежде всего высших квалифицированных групп рабочего класса, так называемой «рабочей аристократии». Но к концу столетия улучшились условия труда, повысился уровень жизни и рабочего класса в целом. Росло и классовое сознание пролетариата. Однако оно все более направлялось в сферу чисто экономических интересов, что в общем даже устраивало буржуазию. В известной мере она пошла навстречу рабочему классу: был принят целый ряд фабричных законов, легализованы профсоюзы, которые скоро выросли в значительную силу. Все это достигалось

не без борьбы. Более дальновидной, либеральной буржуазии приходилось преодолевать сопротивление косных толстосумов и лендлордов. В сущности, эта борьба велась, конечно, за подлинные интересы буржуазии — только более перспективные, широкие, гибкие. История показала, что с точки зрения английской буржуазии это был разумный курс.

В сознании многих представителей либеральной буржуазии эта идеология и борьба могли выглядеть совсем иначе. Им представлялось (причем, возможно, субъективно вполне честно), что речь идет о вечных идеалах гуманизма и прогресса, о равноправном сотрудничестве людей ради этого прогресса, о свободе и терпимости как абсолютных ценностях. Думается, таким образом надо объяснять психологию и научно-общественную деятельность Джона Стюарта Милля. Мир бессердечного чистогана вовсе не был ему приятен, но он надеялся, что постепенно самые мрачные стороны этого мира отойдут в прошлое. Он даже интересовался социализмом, разумеется, эволюционным, без потрясений, без классовой борьбы. Милль оказался, однако, в конечном счете носителем идей «презренной середины», мастером компромиссов и эклектики. Он старался согласовать политическую экономию капитала с притязаниями рабочего класса, которые уже нельзя было игнорировать.

Личность Милля не лишена интереса. Он родился в Лондоне в 1806 г. и был старшим сыном Джемса Милля, философа и экономиста, друга Рикардо. Человек суровый до жестокости, принципиальный до догматизма, Джемс Милль имел свою систему воспитания и решил применить ее к сыну. «Рабочий день» ребенка был строго расписан. В три года отец начал учить его читать по-древнегречески, а когда он научился читать по-английски, Милль вообще не мог вспомнить. Список книг, которые мальчик прочел к восьми годам, приводит в изумление. Он не знал ни игрушек, ни сказок, ни игр со сверстниками. Прогулки с отцом, во время которых он давал ему отчет о прочитанных книгах, а позже — занятия с маленькими братьями и сестрами заменяли все это. Ребенок превращается в настоящего вундеркинда, неизменно поражая своими познаниями друзей и знакомых Милля-отца. Привычка к чтению и умственному труду становится уже частью его натуры. Он самостоятельно занимается высшей математикой, естествознанием. Но любимым его предметом остается история. Он пишет сочинения, пересказывая и порой критически комментируя древних и новых авторов. Строгость отца не только не уменьшается, но, скорее, усиливается. Джемс Милль требует от мальчика зрелого и самостоятельного мышления, он любит давать невыполнимые задания. Сын всегда должен думать, что он знает, умеет, понимает страшно мало. И сын думает так, потому что он почти лишен общества детей и подростков своего возраста. Лишь позже, выйдя в широкий мир, он познает и свои преимущества и свои трагические недостатки...

В 13 лет младший Милль проходит с отцом курс политической экономии. Отец читает ему лекции, они детально обсуждают сложные вопросы, сын пишет рефераты. Джон Стюарт Милль позже рассказывал: «Поскольку я постоянно участвовал в научной работе отца, я был знаком с самым близким из его друзей, Давидом Рикардо. Своим благожелательным участием, своей добротой и снисходительностью он очень привлекал к себе молодых людей. После того как я стал заниматься политической экономией, он приглашал меня к себе и во время совместных прогулок беседовал со мной о проблемах этой науки».

В 1822 г. 16-летний Милль опубликовал свои первые работы по политической экономии — две небольшие статьи о теории стоимости. Он мечтал о политической карьере, но отец решил иначе. В следующем году он занял место самого низшего клерка в отделе Ост-Индской компании, которым заведовал Джеймс Милль, и начал восхождение по служебной лестнице. В первые годы служба не очень мешала его кипучей интеллектуальной деятельности. Привыкнув работать по 14 часов в сутки, он продолжал читать и писать для себя и для печати, обучать братьев и сестер. Милль сам называл себя мыслящей машиной. Но разреженная интеллектуальная атмосфера не могла заменить 20-летнему юноше всю сложность жизни, естественный мир чувств, желаний, впечатлений. Результат — нервный крах, разочарование, мысли о самоубийстве...

В 1830 г. он знакомится с миссис Харриет Тэйлор, красивой и умной 22-летней женой состоятельного лондонского купца и матерью двоих детей. Знакомство и дружба с миссис Тэйлор излечили Милля от его черной меланхолии. С помощью и участием Милля вокруг нее сложился кружок мыслящих и либерально настроенных людей. Харриет Тэйлор постепенно стала ближайшим сотрудником Милля, первым читателем и критиком его сочинений.

В 30-х годах Милль издавал политический журнал, который был рупором «философских радикалов» — самой левой группировки вигов в тогдашнем парламенте. В 1843 г. вышло его важнейшее философское сочинение — «Система логики», в 1844 г. — «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии». В этой работе содержится в основном то новое, что Милль внес в науку, тогда как его объемистые «Принципы политической экономии» (1848 г.) представляют собой искусную компиляцию. Несмотря на это — или, лучше сказать, именно благодаря этому, — книга Милля имела у буржуазной публики невиданный успех, выдержала при его жизни семь изданий, была переведена на многие языки.

Смерть мужа позволила Х. Тэйлор и Миллю в 1851 г. вступить в брак. В течение восьми лет, которые ей еще оставалось жить, миссис Милль была тяжело больна. Милль, сам имевший плохое здоровье, показал себя образцом самоотверженности и стоицизма. Когда читаешь «Автобиографию» и переписку Милля, воспоминания лично знавших его людей, то испытываешь противоречивые чувства. Он был слабым человеком; возможно, таким его сделало воспитание и подавляющая личность отца. В сущности, вся его жизнь в течение 20 лет была непрерывным, порой тягостным и унижительным компромиссом. Он одновременно и бросал вызов правилам света и не хотел нарушать их слишком сильно. Это очень характерно для личности Милля. В личной жизни, как в науке и политике, Милль не умел идти навстречу трудностям, разрубать узлы одним ударом. Он предпочитал жить, спрятав, подобно страусу, голову под крыло. Он создал себе особый, изолированный интеллектуальный мир и умудрялся чувствовать себя в нем более или менее спокойно. Как однажды заметил Карлейль, это был несчастный человек, который сам себе казался очень счастливым.

С другой стороны, моральный облик Милля не может не вызывать определенного уважения. Он был по-своему принципиален и последователен. Надо помнить, что Милль и Харриет Тэйлор принадлежали не к литературной богеме, а к респектабельному буржуазному обществу викторианской эпохи, не прощавшему нарушения «приличий».

В 1858 г. закончилась служба Милля в Ост-Индской компании, власть которой в Индии после восстания сипаев взяло на себя непосредственно английское правительство. Компания была ликвидирована. В последующие годы Милль опубликовал несколько политических и философских сочинений, но политической экономией он больше, по существу, не занимался, если не считать новых изданий «Принципов». Он развивал идеи буржуазной демократии («О свободе»), выступал за права женщин («О подчинении женщин»). Несколько лет Милль был членом парламента. Потерпев поражение на очередных выборах, он уехал во Францию, и умер в 1873 г. в Авиньоне.

Политическая экономия компромиссов

Маркс и Чернышевский дали почти одновременно схожую общую характеристику Милля как политикоэконома. Цитируя место, где Милль говорит о несправедливости распределения при капитализме, Маркс в первом томе «Капитала» указывает: «Чтобы избежать недоразумения, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия между их старыми экономическими догмами и их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо сваливать этих людей в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами».

Чернышевский в своем предисловии к переводу «Принципов» отмечает: «Милль пишет, как мыслитель, ищущий только истины, и читатель увидит, до какой степени различен дух науки, им излагаемой, от направления тех изданий, которые выдаются у нас за науку». Дальше Чернышевский пишет, что это вовсе не означает его полного согласия с Миллем; он намерен его критиковать.

Милль научен постольку, поскольку он стремится придерживаться основ, заложенных Смитом и Рикардо, и поскольку он сознательно не искажает действительные процессы в угоду буржуазии. Но Милль не развивает классиков, а, напротив, приспособливает их к уже сложившемуся уровню вульгарной политической экономии, он находится под сильным влиянием Мальтуса, Сэя и Сениора. В связи с этим Маркс писал об эклектизме Милля, об отсутствии у него последовательно научной точки зрения и характеризовал сочинения Милля как «банкротство буржуазной политической экономии». Милль придавал развитую и четкую форму «компромиссной политической экономии», пытавшейся согласовать интересы капитала с притязаниями рабочего класса.

Важная особенность «Принципов» Милля заключается в том, что это лучший для середины XIX в. образчик трактата, где наука политической экономии рассматривается в целом. Вплоть до «Принципов экономики» Маршалла, опубликованных в 1890 г., это было самое авторитетное изложение буржуазной политической экономии. Шумпетер восхищается свободным духом викторианской эпохи, когда сочинение, в котором выражаются известные симпатии к рабочему классу, порицается культ денег и не отвергается социализм, могло стать евангелием буржуазии. Дело не только в свободном духе. Главное в книге Милля было не то, что он критиковал капитализм, а то, что он видел в нем перспективы совершенствования и мирного вставания в какой-то неопасный для буржуазии эволюционный социализм. Заслуги Джона Стюарта Милля перед

буржуазией, вероятно, больше, чем заслуги множества твердолобых консерваторов и прямолинейных апологетов, которых всегда было достаточно. Милль — предшественник экономических и социальных идей английского лейборизма XX в.

Учитывая эту важную роль Милля, тем более странным представляется факт, что он, по существу, не фигурирует в советских курсах истории экономических учений. В лучшем случае о нем вспоминают, рассматривая экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. Это объясняется, надо думать, тем, что авторы находятся в плену чрезмерно жесткой схемы исторического развития экономической науки. Все развитие буржуазной политической экономии после Рикардо представляется им как непрерывный и «гладкий» процесс вульгаризации: в Англии это линия Рикардо — Мак-Куллох — Сениор; во Франции же линия физиократы (и влияние Адама Смита) — Сэй — Бастиа. Для Дж. Ст. Милля с его колебаниями и компромиссами в этой схеме просто нет места. Чтобы не путать студентов, его выбрасывают.

Однако, как хорошо известно, Маркс много раз возвращался к мысли, что после 20-х годов XIX в. буржуазная политическая экономия разделилась на два больших русла: с одной стороны, явная апологетика, с другой — попытки найти средний путь между «божественным правом капитала» и интересами рабочих. Оба направления к тому же не были однородными. Второе из них представляло известные возможности объективного научного исследования. Такое исследование могло быть даже необходимо для обоснования реформистских программ.

Понятие «вульгарная политическая экономия» Маркс тесно связывал с теорией факторов производства (с пресловутой триадой) и с апологетической трактовкой доходов — заработной платы, прибыли и ренты — как естественного порождения и вознаграждения этих факторов, не имеющего ничего общего с эксплуатацией капиталом наемного труда. Советские ученые, подготовившие новое издание «Теорий прибавочной стоимости», в связи с этим поместили части марксовой рукописи, посвященные этой проблеме, в конце трехтомного издания под заглавием «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия». Маркс, в частности, пишет: «Вульгарные экономисты — их надо строго отличать от экономистов-исследователей, являвшихся предметом нашей критики (подчеркнуто мной.— А. А),— фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости». Но при всей решающей важности проблемы доходов и их источников политическая экономия ею не исчерпывается. Такие вопросы, как накопление и потребление, кризисы, экономическая роль государства, стали занимать все более важное место в науке. Потребовались конкретные исследования ряда областей экономической действительности. Милль в основном разделял вульгарную точку зрения на доходы, но опять-таки этим нельзя ограничивать его воззрения.

Главное экономическое сочинение Милля состоит из пяти книг (частей). Они соответственно посвящены производству, распределению, обмену, прогрессу капитализма и роли государства в экономике. Написано все это отличным английским языком, четко, логично, гладко. Слишком гладко! Здесь нет и следа гениальных противоречий Рикардо, а есть попытка просто

эклектически объединить разные точки зрения.

Теория стоимости, с которой начинались книги Рикардо и Смита, здесь отнесена в третью книгу. Это не случайно: у Милля трудовая теория стоимости вовсе не является основой экономического учения, хотя формально он от нее не отказывается. Стоимость у Милля имеет мало отношения к производству как таковому, а представляет собой лишь явление сферы обмена, обращения. Стоимость есть только соотношение, характерное для обмена данного товара на другие товары, в частности на деньги. Это соотношение устанавливается на рынке.

Для буржуазных классиков от Петти до Рикардо вопрос стоял в общем так: конечной основой меновых стоимостей и цен являются затраты труда, а действие всех прочих факторов вызывает лишь те или иные отклонения от этой основы. Милль фактически устраняет конечную основу цен. Рикардианская струя в его мышлении ощущается в том, что он считает применимым для основной массы товаров определение цен издержками производства. Эти товары «естественным и постоянным образом обмениваются друг на друга соответственно сравнительным количествам заработной платы, которые должны быть выплачены за их производство, и сравнительным количествам прибыли, которые должны быть получены капиталистами, выплачивающими эту заработную плату».

Однако, стремясь избежать тупика, в который попадали при подобной трактовке стоимости ближайшие ученики Рикардо, он фактически отходит от нее и приходит к точке зрения, что меновая стоимость (и цена) товара устанавливается просто-напросто в точке, где уравниваются спрос и предложение. Примирить оба подхода Милль пытался указанием на то, что издержки следует рассматривать как важнейший фактор, определяющий предложение товара.

Как уже говорилось, эклектическая трактовка стоимости была усвоена в дальнейшем буржуазной политической экономией. Вопрос классиков о конечной основе цен был, в сущности, заменен другим вопросом: как определяются цены, соответствующие условиям равновесия экономической системы. Марксова концепция дает ответ на этот вопрос, не отрывая, а, напротив, основывая его на твердом фундаменте трудовой стоимости (теория конкуренции и цены производства). Милль же сделал шаг к отрыву второго вопроса от первого. Это было зародышем формального анализа ценообразования на основе спроса и предложения, который был развит в конце века другими буржуазными экономистами.

Теория стоимости Милля почти полностью лишена того социального содержания, какое она имеет у Смита и Рикардо. Это видно уже из того, что он излагает вопросы распределения и доходов до того, как рассмотрена стоимость. Для Смита и Рикардо это было совершенно невозможно, так как речь шла именно о распределении созданной и измеряемой трудом стоимости. Именно поэтому они приближались к пониманию прибавочной стоимости как вычета из полной стоимости продукта в пользу капиталиста и землевладельца.

Такой подход не вполне чужд Миллю. Он пишет вслед за Рикардо, что прибыль капиталиста проистекает из того, что труд производит больше стоимости, чем обходится его содержание. Но это опять-таки остается лишь словесной данью учителю. На деле он принимает объяснение прибыли воздержанием капиталиста. В результате с качественной точки зрения

проблема распределения трактуется в духе триады факторов производства, и Милль оказывается гораздо ближе к Сэю и особенно к Сениору, чем к Рикардо. Что касается количественной стороны распределения, долей каждого из трех факторов, т. е., в сущности, классов, то Милль вообще не имел в этом вопросе ясной концепции. Он стремился придерживаться рикардианских позиций и говорил, что доля ренты определяется законом убывающего плодородия земли и переходом к обработке худших земель, а потому имеет тенденцию к росту. Доля заработной платы практически стабильна, так как определяется так называемым рабочим фондом. Прибыль является, в сущности, остатком стоимости продукта, количественно весьма неопределенным.

Теория рабочего фонда господствовала во всей послерикардианской политэкономии вплоть до конца XIX в. Народное хозяйство большой страны представлялось ее сторонникам как ферма, хозяин которой запасает на год продукты для прокорма своих батраков. Больше, чем он запас, он никак не может выдать им. Фермер не станет также запасать больше пищи, чем потребуется батракам, необходимым для работы на его участке. При перенесении этой модели на общество получалось, что оно всегда располагает очень жестким и фактически стабильным фондом жизненных припасов, который запасают («сберегают») капиталисты, чтобы содержать своих рабочих. Заработная плата определяется просто делением этого фонда на число рабочих. Получалась картина, которая была сродни упоминавшемуся выше «железному закону заработной платы»: если рабочий фонд есть величина постоянная, то никакая борьба не может дать рабочему классу какое-либо улучшение его положения; в крайнем случае одна группа рабочих может выиграть только за счет другой. Как замечает автор статьи о рабочем фонде в «Словаре политической экономии» Палгрейва (это солидное издание вышло в конце XIX в.), в этой теории надо видеть одну из причин враждебности английских рабочих к официальной науке.

Верный себе, Джон Стюарт Милль, на одной странице дав четкую формулировку теории рабочего фонда, на другой говорил о возможности значительного повышения уровня жизни рабочего класса при капитализме. В 1869 г. в одной из своих статей он прямо отказался от этой теории, но в новом издании «Принципов» оставил в силе старую позицию.

Компромиссы, склонность к примирению непримиримого до конца характеризовали этого человека.

Глава 14

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ: СИСМОНДИ

В работе «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» В. И. Ленин писал: «...в истории политической экономии Сисмонди занимает особое место, стоя в стороне от главных течений... он горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства...».

Имя и идеи Сисмонди оказались в центре борьбы, которую вели в 90-х годах русские революционные марксисты против либеральных народников. Народники заявляли, что капитализм в России не может и не должен

развиваться, так как народ слишком беден, чтобы потреблять массы товаров, которые будут производиться капиталистическими предприятиями. В отличие от других стран, раньше вступивших на путь промышленного развития, Россия не может рассчитывать и на сбыт товаров на внешних рынках: эти рынки уже давно захвачены. Народники высказывались за то, чтобы Россия пошла «особым» путем развития: к социализму, минуя капитализм, через мелкое кустарное производство и крестьянскую общину. При этом они, по существу, повторяли мелкобуржуазные, утопические идеи Сисмонди, который предсказывал в свое время крах капитализма от «недопотребления» и тоже возлагал надежды на кустарей и крестьян.

Русские марксисты, опираясь на учение Маркса, и в частности на его теорию воспроизводства, доказывали, что капиталистический путь развития для России закономерен и прогрессивен. Неверно, что бедность населения исключает развитие капитализма. Он сам создает для себя рынок: растущие фабрики предъявляют спрос на средства производства, вышедшие из крестьян рабочие вынуждены покупать потребительские товары, которые они раньше сами для себя производили. Рост капитализма идет через кризисы и потрясения, но он идет! И чем больше развивает капитализм производительные силы, тем вернее готовит он условия для социалистической революции. В этом — историческая миссия капитализма. Отдавая должное Сисмонди как критику капитализма, марксисты указывали на утопичность и реакционность его экономических взглядов, которые у него восприняли народники.

Особая позиция, которую занимал в политической экономии Сисмонди в противовес как английской классической школе, так и «школе Сэя», позволила ему увидеть и в известной мере проанализировать ряд важных сторон капитализма с большой оригинальностью и проницательностью. Сисмонди был первым крупным экономистом домарковского периода, поставившим под сомнение аксиому о естественности и вечности капитализма. Он пытался ввести в политическую экономию исторический и социологический элемент. В политической экономии Сисмонди видел в первую очередь не науку о буржуазном богатстве, а науку о совершенствовании социального механизма в интересах человеческого счастья. Он был талантливым критиком капитализма и буржуазной политической экономии своего времени. В сочинениях Сисмонди, отличающихся ярким и живым литературным стилем, отразилась его личность гуманиста и радикала, который искренне сочувствовал трудовому народу и по-своему искал решения острых социальных проблем.

Гражданин Женевы

Жан Шарль Леоонар Симонд де Сисмонди родился в 1773 г. в окрестностях Женевы. Предки его происходили из Северной Италии, долгое время жили во Франции, а позже, приняв кальвинизм и, спасаясь от религиозных преследований, переселились в Женеву. Отец экономиста был кальвинистским пастором; семья была состоятельная, и принадлежала к женевской аристократии.

В XVIII в. Женева была крошечной независимой республикой, связанной с остальными кантонами Швейцарии лишь довольно зыбким союзом. Население этой части Швейцарии говорит по-французски. Подобно Руссо, его великому земляку и в какой-то мере учителю, Сисмонди был, по словам одного из биографов, женевец по рождению и чувствам, но француз

по характеру ума и направлению его трудов. Впрочем, на него с известным основанием могут претендовать и итальянцы: не говоря уже о его происхождении, он значительную часть своих трудов посвятил истории и экономике Италии и вообще чувствовал себя в этой стране как дома. Сисмонди свободно владел, кроме того, латинским, немецким, английским, испанским, португальским и провансальским языками. Он был европеец и космополит — в лучшем смысле этих теперь несколько скомпрометированных слов.

Корни идей Сисмонди можно до известной степени видеть в той мирной патриархальной обстановке, в которой прошли его детство и юность. На всю жизнь он сохранил убеждение, что счастье чаще всего приходит в дома честных работающих ремесленников и фермеров и бежит прочь от больших городов с их фабриками, торговыми конторами и банками. Но именно эта патриархальная жизнь уходила в прошлое, разрушаемая промышленным переворотом, в ходе которого ремесло уступало место фабричному производству, а независимый ремесленник, гордый своим мастерством и скромным достатком, — нищему пролетарию.

Не закончив образования, Сисмонди в 18 лет был вынужден уехать в Лион и работать там конторщиком у купца, с которым был дружен его отец. Дело в том, что Сисмонди-старший вложил деньги во французские государственные бумаги и потерял их, когда началась революция. Это подорвало его состояние.

Якобинская революция скоро дошла до Лиона, а затем захватила и Женеву, всегда тесно связанную с соседней Францией. Для семьи Сисмонди настало время скитаний. В начале 1793 г. они эмигрировали в Англию, где прожили полтора года. Вскоре после возвращения им пришлось снова бежать — на этот раз в Северную Италию, которая, однако, скоро тоже была оккупирована французами. В течение пяти лет Сисмонди-младший управлял небольшой фермой в Тоскане, купленной на спасенные при бегстве деньги. За эти бурные годы он несколько раз побывал в разных тюрьмах, как политически подозрительное лицо. Семья Сисмонди вернулась на родину после того, как Женева (в 1798 г.) стала официально частью Франции, где первый, консул Наполеон Бонапарт «восстановил законность и порядок»..

К этому времени достаточно определяются способности и склонности молодого Сисмонди. Первый плод его литературных трудов — книга о сельском хозяйстве Тосканы. В 1803 г. он публикует работу по политической экономии — «О коммерческом богатстве», в которой выступает как ученик Адама Смита и проповедник его идей.

Сисмонди входит в кружок ученых и писателей, которые группировались вокруг известного банкира, политика и мыслителя Неккера и его дочери мадам де Сталь, писательницы и общественной деятельницы, женщины, по словам Пушкина, необыкновенной. Сисмонди подолгу жил и работал в имении Неккера и мадам де Сталь, сопровождал ее в путешествиях. Литературный романтизм мадам де Сталь и близких к ней писателей оказал, очевидно, известное влияние на Сисмонди. Главным занятием Сисмонди была история. Он написал многотомную «Историю итальянских республик» и прочел блестящий курс лекций по истории литератур романских народов. В 1813 г. Сисмонди отправился в Париж, где наблюдал падение Наполеона, реставрацию Бурбонов и трагедию Ста дней. Эти события внезапно превратили его из противника в сторонника Наполеона: он надеялся, что новая империя

осуществит его довольно туманные идеалы свободы и счастья.

После Ватерлоо и Венского конгресса (1815 г.) Сисмонди вернулся в Швейцарию, частью которой вновь стала Женева. Он побывал также в Англии и некоторых других странах. В эти годы сложились социально-экономические идеи Сисмонди, которые он изложил в опубликованной в 1819 г. книге «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению». Это главный вклад Сисмонди в экономическую науку. Книга вскоре сделала его экономистом с европейской известностью. В 1827 г. Сисмонди выпустил второе издание, где его полемика со школой Рикардо в Англии и «школой Сэя» во Франции еще более заострена. Экономический кризис 1825 г. он считал доказательством своей правоты и ошибочности представлений о невозможности общего перепроизводства. В предисловии к этому изданию есть ноты торжества над оппонентами. Это не мешало ему, впрочем, всегда относиться к Рикардо с большим уважением.

Книга эта, как пишет Сисмонди, возникла не столько в результате углубленного изучения трудов других ученых, сколько выросла из жизненных наблюдений, которые убедили его в неверности самих основ «ортодоксальной» науки, т. е. учения Смита, как оно было развито, с одной стороны, Рикардо, а с другой — Сэем. Как мы знаем, Рикардо рассматривал все общественные явления с точки зрения интересов производства, роста национального богатства. Сисмонди заявил, что производство не самоцель, что национальное богатство, в сущности, не богатство, так как от него подавляющему большинству населения достаются жалкие крохи. Путь крупной промышленности губителен для человечества. Сисмонди требовал, чтобы политическая экономия видела за своими абстрактными схемами живого человека. Книга Сисмонди была исполнена благородного гуманизма и резкой критики язв капитализма.

В 1819 г. Сисмонди женился на молодой англичанке. Детей у них не было. Остаток жизни он мирно прожил в своём небольшом имении под Женевой, погруженный в работу над грандиозной «Историей французов». Выпустив 29 томов, Сисмонди все же не успел довести этот труд до конца. Он опубликовал также ряд других исторических и политических сочинений. Экономические работы Сисмонди, написанные в этот период, представляют мало интереса. В свое время исторические труды Сисмонди высоко ценились. При жизни он считался более историком, чем экономистом. Но теперь они потеряли серьезное значение, тогда как вклад Сисмонди в экономическую науку остается важным и с современной точки зрения.

Это был неутомимый труженик. До последних дней жизни он неизменно проводил за письменным столом ежедневно восемь часов, а часто и больше. Сочинения Сисмонди составляют в общей сложности 70 томов! Развлечениями его были прогулки и беседы с многочисленными друзьями и гостями, которые охотно собирались в этом гостеприимном доме. Закат жизни знаменитого женева был таким же ясным и счастливым, как его детство и отрочество. Он умер в 1842 г., в возрасте 69 лет.

На портрете Сисмонди мы видим массивного широколицего человека. Как рассказывает один из современников, Сисмонди с молодых лет отличался редкостной неуклюжестью и неловкостью. Это якобы даже отвратило его от широкого общества и сделало ученым-затворником. Он обладал очень мягким характером, добрым и отзывчивым нравом. Авторы, описывающие окружение

мадам де Сталь, называют его «добряк Сисмонди». Это был верный друг, образцовый супруг, заботливый сын и брат. Вместе с тем мягкость не мешала Сисмонди быть человеком принципиальным, в необходимых случаях смелым и твердым в своих взглядах и действиях. Упомянутый современник пишет: «Хотя по природе он был несомненно человек миролюбивый, он не раз вступал в жестокую борьбу, если надо было защищать честь друга. Сисмонди был связан с одним известным журналом, который поместил статью, оскорбившую чувства некоего господина, слишком тщеславного своей знатностью. Он обвинил Сисмонди в авторстве и потребовал, чтобы тот либо признал это, либо назвал подлинного автора. Сисмонди отказался дать какой-либо ответ. Был послан вызов, Сисмонди принял его, выстоял под выстрелом противника, а сам выстрелил в воздух, заявив при этом в первый раз, что он не является автором статьи. Он вышел из этого смешного конфликта со всеми подобающими боевыми почестями».

Критика капитализма

Вернемся на мгновение к Аристотелю. Возможно, читатель помнит, что великий эллин противопоставлял экономике хрематистику. Экономика — естественная хозяйственная деятельность, направленная на удовлетворение потребностей человека. Хрематистика — стремление к безграничному обогащению, хозяйственная деятельность не ради потребления, а ради накопления богатства. Мы видели, какие превращения в дальнейшем претерпела эта идея со времен Аристотеля.

Она представляет собой естественную основу всякой критики капитализма, ибо с такой точки зрения капитализм — это сплошная хрематистика. Идеалом для Сисмонди является не полунатуральное рабовладельческое хозяйство, а патриархальное хозяйство независимых фермеров и ремесленников, воплощением хрематистики — не афинские торговцы и ростовщики, а английские фабриканты, купцы и банкиры, чьи нравы уже захватывают его родную Женеву и близкую его сердцу Францию.

Критика капитализма со стороны Сисмонди была мелкобуржуазной. Это не следует понимать примитивно. Едва ли лавочник или кустарь представлялись Сисмонди венцом творения. Но он не знал другого класса, с которым мог бы связать свои надежды на лучшее будущее человечества. Сисмонди видел бедствия промышленного пролетариата и немало писал о его тяжелом положении, но он совершенно не понимал его исторической роли. Сисмонди выступил в эпоху, когда формировались идеи утопического и мелкобуржуазного социализма. Сам он ни в коей мере не был социалистом и не менее отрицательно, чем Рикардо, относился к утопиям Оуэна и др. Но сама эпоха придала сисмондистской критике капитализма, вопреки его желанию, социалистический характер. Сисмонди оказался родоначальником мелкобуржуазного социализма, прежде всего во Франции, но в известной мере и в Англии. Маркс и Энгельс отметили это уже в 1848 г., в «Манифесте Коммунистической партии».

Сисмонди ненавидел органически присущий капитализму культ денег. Когда мадам де Сталь собиралась ехать в Соединенные Штаты (эта поездка не состоялась), он с негодованием писал, что в этой стране все расценивается только на деньги, и цитировал в письме статью из американской газеты, где речь шла только о богатстве дочери Неккера и ни слова не говорилось о ее таланте, уме и литературных заслугах. Но не такими эмоциями замечательна

критика капитализма, данная Сисмонди. Будучи крупным экономистом и социологом, он сумел очень выпукло показать многие действительно важнейшие противоречия и пороки капитализма.

Сисмонди поставил в центр своей теории проблему рынков, реализации и кризисов и тесно связал ее с развитием классовой структуры буржуазного общества, с тенденцией к превращению масс трудящихся в пролетариев. Тем самым он попал в самую точку, ухватил противоречие, которое исторически развивалось, которое из небольшой болячки во времена Сисмонди превратилось затем в опасный недуг. Не будет преувеличением сказать, что проблеме экономических кризисов посвящены тысячи, может быть, десятки тысяч работ в литературе по политической экономии. Труды Сисмонди не затерялись в этой массе. Конечно, Сисмонди не разрешил проблему кризисов. Но уже тем, что он ее поставил (в 1819 г.!), он сделал большой шаг вперед по сравнению со своими современниками. Оценивая вклад Сисмонди в науку, В. И. Ленин писал в названной выше работе: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками».

Для Рикардо и его последователей экономический процесс был бесконечной серией состояний равновесия, а переход от одного состояния равновесия к другому совершался гладко, путем автоматического «приспособления». Их интересовали именно эти состояния равновесия, а переходы они в сущности игнорировали. Сисмонди же заявил, что эти переходы представляют собой не гладкое приспособление, а острейшие кризисы, механизм которых как раз и важен для науки.

Модель капитализма у Сисмонди заключается, грубо говоря, в следующем. Поскольку движущей силой и целью производства является прибыль, капиталисты стремятся выжать возможно больше прибыли из своих рабочих. Вследствие естественных законов размножения (Сисмонди в основном следовал Мальтусу) предложение труда хронически превышает спрос, что позволяет капиталистам удерживать зарплату на голодном уровне. Чтобы прожить, рабочие вынуждены работать, как отмечал Сисмонди, 12—14 часов в сутки. Покупательная способность этих пролетариев крайне низка и ограничивается небольшими количествами предметов первой необходимости. Между тем их труд способен производить все больше и больше товаров. Внедрение машин лишь усиливает диспропорцию: они повышают производительность труда и одновременно вытесняют рабочих. В результате неизбежно получается, что все больше общественного труда занято производством предметов роскоши богатых. Но спрос последних на предметы роскоши ограничен и неустойчив. Отсюда почти без промежуточных звеньев в логике Сисмонди выводит неизбежность кризисов перепроизводства.

Отсюда же вытекают и рецепты, которые дает Сисмонди. Общество, в котором существует более или менее «чистый» капитализм и преобладают два класса — капиталисты и наемные рабочие, обречено на жестокие кризисы. Спасения Сисмонди ищет, подобно Мальтусу, в «третьих лицах» — промежуточных классах и слоях. Только для Сисмонди, в отличие от Мальтуса, это прежде всего мелкие товаропроизводители — крестьяне, кустари, ремесленники. Кроме того, Сисмонди полагал, что развитие капиталистического производства невозможно без обширного внешнего рынка, который он трактовал односторонне: как сбыт товаров более развитых

стран в менее развитые. Наличием внешних рынков объяснял он тот факт, что Англия еще не задохнулась под бременем своего богатства.

Сисмонди требовал широкого вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Только с помощью государства надеялся он утвердить в экономической жизни те естественные и здоровые нормы, которые стихийный процесс развития неудержимо подрывал. Сисмонди предлагал ряд мер, в то время казавшихся опасно социалистическими, но теперь вполне приемлемых для капиталистов: социальное страхование и обеспечение для рабочих, участие рабочих в прибылях предприятий и т. п. Эти разделы книги Сисмонди любопытны с современной точки зрения.

Но в основном Сисмонди смотрел не вперед, а назад. Спасения от бед капитализма он искал в искусственном сохранении старых порядков, в недопущении концентрации богатства в руках немногих лиц. Он совершенно не видел, что в его время эти попытки остановить развитие капитализма были бессмысленны и нелепы. Сисмонди, конечно, не хотел возвращения к средним векам, к феодализму. Но он желал, чтобы бесчеловечное шествие капитализма было остановлено путем насаждения общественных институтов, которые под видом нового вернули бы «добрые старые времена». Чтобы создать рабочим обеспеченность, он предлагал ввести систему, напоминающую старые ремесленные цехи. Он хотел бы возродить в Англии мелкую земельную собственность. Этот экономический романтизм был утопическим и по сути реакционным, так как он отрицал прогрессивное существование развития капитализма и черпал свое вдохновение не в будущем, а в прошлом.

Кризисы

«Итак, народы подвержены опасностям как будто противоречивого характера. Они могут разоряться и оттого, что тратят слишком много, и оттого, что тратят слишком мало». Приходится удивляться прозорливости Сисмонди. Так поставить вопрос не пришло бы в голову Смиту и Рикардо! С их точки зрения, нация, как и отдельный человек, может разоряться лишь оттого, что затраты превосходят доход и потому «проедается капитал». Но как можно разоряться, тратя слишком мало?

На самом деле эта мысль Сисмонди таит в себе немалую долю истины, притом вполне применимой к современному капитализму. До известной степени верно, что кризисы начинаются потому, что нации «тратят слишком мало». На складах накапливаются товары, которые некому покупать. Сокращается производство, падают занятость и доходы. Современное буржуазное государство в антикризисном арсенале числит меры, направленные на то, чтобы подтолкнуть людей тратить больше. Либо же оно само начинает усиленно тратить деньги, добывая их с помощью государственного кредита. Если в хозяйстве недостает платежеспособного спроса, чтобы рассосать производимые массы товаров, надо этот спрос подстегнуть или даже искусственно создать. Это прописная истина современного антикризисного регулирования. Она отражает, если не теоретическое понимание причин кризисов, то порожденные опытом и его обобщением практические методы, которые в известных пределах могут быть эффективны в борьбе с кризисами.

Но теоретическая система Сисмонди содержала в себе глубокие ошибки, которые в конечном счете привели к реакционной утопии — к защите

патриархальщины, отсталости, ручного труда. Излагая выше взгляды Сисмонди, мы всюду говорили о личном потреблении и его предметах. Это не случайно. Вслед за Смитом Сисмонди сводил продукт труда общества к сумме доходов — прибыли, ренты и зарплаты. Отсюда вытекало странное и ошибочное представление, которое Маркс назвал *догмой Смита* и которое заключается в том, что годовой продукт нации можно свести по его натуральной форме к массе потребительских товаров. Ведь доходы в своей подавляющей части тратятся на потребление. Всем остальным, что производит народное хозяйство, можно как бы пренебречь для «чистоты анализа». Сисмонди придал этой, по выражению Маркса, «баснословной догме» особый смысл, положив ее в основу своих представлений о причинах экономических кризисов.

В действительности же годовой продукт общества состоит не только из предметов потребления, но также из средств производства — машин и транспортных средств, угля, металла и других материалов. Часть из них, правда, воплотится потом в предметы потребления. Но это вполне может произойти в будущем году и даже позже. Кроме того, и в рамках данного года нельзя говорить только о реализации тканей, надо говорить также о реализации хлопка, из которого будут произведены ткани, и т. д. Даже если не делаются новые капиталовложения, все равно надо производить машины, которые заменяли бы выбывающие, надо строить здания на смену приходящим в дряхлость. Для капитализма же характерно не простое воспроизводство, а расширенное, при котором именно непрерывно производятся новые капиталовложения.

С усложнением производства, с развитием новых отраслей, с ростом применения машин доля средств производства в годовом продукте до известного предела растет. Она бывает особенно велика при высокой норме накопления, т. е. при большом по отношению к продукту объеме капиталовложений. Потребности хозяйства в средствах производства создают особый рынок, в значительной мере независимый от потребительной способности общества. Поэтому-то кризисы не могут быть непрерывными, а всегда периодичны. До какой-то степени капитал поддерживает сам себя, как бы вращаясь в замкнутом кругу. Добывается уголь, но он идет не в домашние печи, а в домны. Выплавляется металл, но из него делают не ножи и вилки, а, скажем, машины для горной промышленности, которые идут в шахты. Стихийный характер капиталистического хозяйства отнюдь не сразу обнаруживает, что производится и лишний уголь, и лишний металл, и лишние машины.

Неверно искать причину кризисов только в бедности основной массы населения, неспособной предъявлять платежеспособный спрос на потребительские товары. И теория и исторический опыт показывают, что производство может значительно расти и при крайне низком уровне жизни народных масс. Это особенно очевидно, когда к производственному спросу в хозяйстве добавляется еще значительный военный спрос. Можно, наконец, напомнить, что до капитализма кризисов не было, хотя народная нищета была во всяком случае не меньше, чем в XIX в.

Противоречие между производством и потреблением свойственно капитализму и играет важную роль в экономических кризисах. Но, вопреки Сисмонди, к этому дело не сводится. Как показал Маркс, само это противоречие есть проявление более общего противоречия — *противоречия*

между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Смысл этого противоречия заключается в том, что производство в капиталистическом хозяйстве обобществлено, т. е. ведется в основном крупными специализированными предприятиями, работающими на обширный рынок. Но подчинено это производство не целям и интересам общества, а прибыли капиталистов, владеющих предприятиями. Крупное общественное производство развивается по своим собственным законам, ему, так сказать, безразлично, что капиталисты видят в нем вовсе не цель, а лишь средство наживы. Этот конфликт и разрешается в кризисах.

Каждый капиталист стремится наращивать производство на своем предприятии, удерживая в то же время заработную плату рабочих на возможно низком уровне. С другой стороны, каждый капиталист наращивает производство своего товара, не считаясь с общим положением в данной отрасли и в -других отраслях. В результате и товары производятся в относительно избыточном количестве (по сравнению с платежеспособным спросом), и необходимые для развития экономики пропорции нарушаются. С увеличением в промышленности роли основного капитала особое значение приобретает то, что решения о капиталовложениях несогласованно и произвольно принимают в капиталистическом хозяйстве частные предприниматели. Нет никакой уверенности в том, что они будут осуществлять капиталовложения, достаточные для использования всех ресурсов, ищущих приложения.

Кризис является естественной и неизбежной формой движения капиталистического хозяйства, формой перехода от одного временного состояния равновесия к другому. Говоря языком кибернетики, капиталистическое хозяйство есть самонастраивающаяся система с очень сложными обратными связями и без центрального регулирования. Настройка этой системы на режим оптимального (для данного момента) функционирования происходит методом проб и ошибок. Кризисы и представляют собой эти, мягко говоря, «пробы и ошибки», а цена их для общества в экономическом и социальном плане очень высока. Она может быть измерена количеством недопроизведенных и, следовательно, недопотребленных товаров, числом потерянных трудовых человеко-лет, а в социальном отношении — усилением нищеты трудящихся масс.

Вернемся, однако, к Сисмонди. Он, в сущности, исходил из представления о неизбежности стагнации капитализма и писал, что вследствие концентрации имущества у небольшого числа собственников внутренний рынок в каждой стране все более и более сокращается и промышленности приходится усиленно искать сбыта на внешних рынках. Но и этот клапан недолговечен, пророчил Сисмонди. Объем рынка ограничен, а претендентов много. «Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной... которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой».

Это концепция сужения рынков, закупорки производительных сил, автоматического краха капитализма. Нечего и говорить, что она оказалась ложной. Тем не менее ее значение отнюдь не только историческое. Советский экономист А. Г. Милейковский пишет: «Несмотря на то, что марксистско-ленинская теория внесла полную ясность в проблему накопления

капитала... идея о том, что капитализм придет к краху из-за невозможности разрешить проблему рынков, имела широкое хождение в марксистской экономической литературе после второй мировой войны. Неизбежность сужения рынков доказывалась тем, что в результате выпадения из системы капитализма ряда стран будет сокращаться сфера приложения капитала для главных капиталистических государств. Отсюда делался вывод о неизбежности роста недогрузки в них предприятий, которая будет приводить к воспроизводству на суженной основе. На этом же основывалось и предположение о неизбежности все более глубоких и непреодолимых экономических кризисов».

Ошибочные представления о закупке производительных сил в экономике современного капитализма были отвергнуты, что нашло отражение в новой Программе КПСС и в материалах съездов нашей партии. В последние годы советскими экономистами и зарубежными марксистами много сделано для изучения реальных тенденции развития капитализма на базе марксистско-ленинской теории воспроизводства и кризисов. Капитализм исторически обречен не потому, что он вообще не может больше развиваться. Он обречен потому, что это развитие порождает такой комплекс противоречий, которые закономерно и неизбежно создают материальные и политические предпосылки крушения капитализма и замены его социализмом.

Глава 15

«ШКОЛА СЭЯ» И ВКЛАД КУРНО

Официальную экономическую науку во Франции в первой половине XIX в. представляла «школа Сэя». Вначале в этой буржуазной школе экономистов было сильно антифеодальное направление. Но по мере обострения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом идеологическое острие в официальной науке все более обращалось против рабочего класса, против социализма. «Школа Сэя» восхваляла предпринимателя-капиталиста, проповедовала гармонию классовых интересов, выступала против рабочего движения. В экономической политике ее главным принципом было *laissez faire*.

.Критика апологетических взглядов Сэя, согласно которым прибыль капиталиста порождается капиталом без всякой эксплуатации рабочих, имела важнейшее значение для выработки теории прибавочной стоимости Маркса. С именем Сэя связана постановка в буржуазной политэкономии такой важной проблемы, как механизм реализации общественного продукта. И в этой области критика Сэя, отрицавшего закономерность кризисов перепроизводства, сыграла заметную роль в развитии экономического учения марксизма.

В специальных областях экономической науки во Франции, как и в Англии, отмечался значительный прогресс. В исторической перспективе особое значение имела попытка Курно применить в экономической теории математические методы анализа.

Франция эпохи Бальзака

1789 год — начало Великой французской революции. 1799 — 1815 годы — Консульство и Империя Наполеона Бонапарта. 1815 год — Реставрация

Бурбонов. 1830 год — Июльская революция, свержение Бурбонов, установление конституционной монархии Луи Филиппа. 1848 год — Февральская революция и провозглашение республики. 1851 год — контрреволюционный бонапартистский переворот, 1852 год — основание Второй империи.

Таковы вехи французской истории интересующей нас эпохи. Но это лишь внешняя канва, изменения в политической надстройке общества. Главное — изменения в экономическом базисе. В этот период во Франции развернулась промышленная революция, начала развиваться машинная индустрия. Отношения между капиталистами и наемными рабочими становились главной формой общественных связей, прежде всего в городе, но в известной мере и в деревне. Буржуазия экономически и политически сменила дворянство в качестве господствующего класса общества.

Эта эпоха нашла свое художественное отражение в одном из самых поразительных созданий мировой литературы — в «Человеческой комедии» Бальзака. Как всякого большого писателя, Бальзака интересовал *человек*. Но он не только стихийно выражал своим творчеством тот принцип, что человек всегда существует лишь в рамках определенной эпохи и конкретной социальной группы, а сознательно положил его в основу своего грандиозного произведения. Бальзак писал, что «Человеческая комедия» — это одновременно история человеческого сердца и история социальных отношений.

Как известно, по политическим взглядам Бальзак был легитимистом, т. е. сторонником «законной» монархии Бурбонов. Он идеализировал аристократию и презирал буржуазию с ее культом денег и властью корысти. Но может быть, это было его силой, а не слабостью. Бальзак с гениальной проницательностью изобразил процесс возвышения буржуазии в его самых различных аспектах: от банкирского дома Нусингена, воплощавшего высшую «финансовую буржуазию», до сельских ростовщиков и кулаков в «Крестьянах». Верный правде жизни и искусства, он изобразил и разложение дворянства. Рабочий класс еще виделся Бальзаку в образе ремесленников и подмастерьев, но и это во многом соответствовало социальной действительности тогдашней эпохи. (Впервые ввести в литературу образы пролетариев, фабричных рабочих новой эры, закономерно выпало на долю английских писателей 40-х годов, особенно Элизабет Гаскелл и Шарлотты Бронте. Однако талант их был несравним: с талантом Бальзака.) Энгельс писал, что из созданной Бальзаком художественной истории французского общества он «даже в смысле экономических деталей узнал больше... чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых».

По оценкам французских экономистов, национальное богатство страны увеличилось с 1815 по 1853 г. почти втрое. За эти годы число действующих веретен в хлопчатобумажной промышленности возросло более чем в 4 раза. Еще более резко увеличилось количество перерабатываемого за год хлопка, хотя оно и было в середине века все еще почти впятеро меньше, чем в Англии. Отставая от Англии в этом и во многих других отношениях (особенно в применении машин), Франция все же быстро проходила через основные этапы промышленного переворота. Стоимость ее экспорта выросла с 1815 по 1855 г. почти в 4 раза. Французские шелковые ткани, парижские швейные и галантерейные изделия, стекло и ряд других промышленных товаров

вывозились в больших количествах во многие страны мира. Париж превращался в крупнейший промышленный и финансовый центр. Росли число акционерных обществ и объем биржевых сделок, развивались банки, появились сберегательные кассы.

В Париже бурлила политическая и идейная жизнь, издавались читаемые во всей Европе газеты и журналы. Эмигранты из Германии и Польши, России и Италии составляли важный элемент парижской интеллигенции. Франция оказывала сильное интеллектуальное влияние на другие страны. Идеи, родиной которых был Париж, воспринимались в Европе и Америке с таким же интересом и почтением, как парижские моды. Поэтому и концепции «школы Сэя», нередко в изложении способных публицистов, широко распространялись за пределами Франции. Они определяли, в частности, лицо официальной экономической науки в России.

Сэй как человек и ученый

Жан Батист Сэй родился в 1767 г. в Лионе. Он происходил из гугенотской буржуазной семьи. В детстве Сэй получил неплохое образование, но рано начал службу в торговой конторе. Он усиленно занимался самообразованием.

Изучая политическую экономию, Сэй прежде всего штудировал «Богатство народов» Смита.

Он восторженно принял революцию. Его патриотического пыла хватило на то, чтобы пойти волонтером в революционную армию, воевавшую с европейскими монархами на западных границах Франции. Но якобинской диктатуры для Сэя оказалось уже слишком много. Он ушел из армии и вернулся в Париж, где стал редактором довольно солидного журнала. Власть консервативной буржуазии, правившей в эти годы после свержения якобинцев, в общем устраивала Сэя, хотя он и критиковал многие действия правительства.

Консульство Бонапарта сначала принесло Сэю дальнейшее выдвижение. Он получил пост члена трибунала в комитете финансов. Одновременно Сэй работал над большим сочинением, которое вышло в 1803 г. под заглавием «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства». Эта книга, которую Сэй впоследствии многократно переделывал и дополнял для новых изданий (при жизни автора их вышло пять), так и осталась главным его произведением.

«Трактат» Сэя представлял собой упрощенное, схематизированное и очищенное, как он считал, от ненужных абстракций и сложностей изложение Смита. Трудовая теория стоимости, которой, хотя и не вполне последовательно, следовал шотландец, уступала место «плюралистической» трактовке, где стоимость ставилась в зависимость от ряда факторов: субъективной полезности товара, издержек его производства, спроса и предложения. Идеи Смита об эксплуатации наемного труда капиталом (т. е. элементы теории прибавочной стоимости) совершенно исчезли у Сэя, уступив место теории факторов производства, о которой речь специально пойдет ниже. Сэй следовал Смиту в его экономическом либерализме. Он требовал «дешевого государства» и выступал за сведение к минимуму его вмешательства в экономику. В этом отношении он примыкал также к физиократической традиции. Экономический либерализм Сэя имел особое значение для судьбы книги и автора.

Экономическая политика Консульства и Империи, хотя и буржуазная по своему общему характеру, была решительно направлена против смитианской свободы торговли. Наполеону для его войн и для борьбы с Англией была нужна промышленность, но он рассчитывал, что она сможет быстро вырасти благодаря жесткому протекционизму и всестороннему регулированию хозяйства. Это открывало простор для бюрократического произвола и фаворитизма. Хозяйство, финансы и торговлю Наполеон рассматривал только как орудия своей завоевательной политики. Один современник писал: «Он хотел управлять торговлею, как батальоном, совершенно не считаясь с какими бы то ни было чисто торговыми соображениями». Наполеону была нужна лишь такая экономическая теория, которая оправдывала и обосновывала бы его политику.

Книга Сэя привлекла внимание публики и была замечена Наполеоном. Скромный чиновник был приглашен к первому консулу для беседы по вопросам, затронутым в его книге. Сэю было дано понять, что, если он хочет быть в милости у власти, ему надлежит переработать «Трактат» в духе взглядов и политики Наполеона. Однако Сэй отказался это сделать и был вынужден уйти в отставку.

Будучи человеком энергичным, практически сметливым и предприимчивым, он обратился к новой для него области промышленного предпринимательства: купил пай в текстильной фабрике. Сэй разбогател. Это наложило печать на всю его дальнейшую научную и литературную деятельность. Теперь это был не только буржуазный интеллигент, но буржуа-практик, знаток конкретных нужд и потребностей своего класса. Его неприязнь к абстракциям еще более возросла, на экономическую науку он все больше смотрел как на источник практической мудрости для буржуа-предпринимателей. У него появилась тенденция сводить политическую экономию к проблемам организации производства и сбыта, управления предприятиями. Особенно важную роль в капиталистическом хозяйстве он отводил теперь фигуре предпринимателя, которого он наделял чертами смелого новатора, способного наиболее эффективно объединить в процессе производства капитал и труд.

В 1812 г. Сэй продал свой пай в фабрике и поселился в Париже довольно состоятельным рантье. Падение Наполеона и реставрация Бурбонов позволили ему наконец выпустить второе издание «Трактата». Оно принесло Сэю славу крупнейшего французского экономиста. Сэй был обласкан новым правительством. Он легко отказался от республиканизма своей молодости и стал верно служить Бурбонам: ведь буржуазия удержала свои завоевания, а экономическая политика теперь склонялась к свободе торговли.